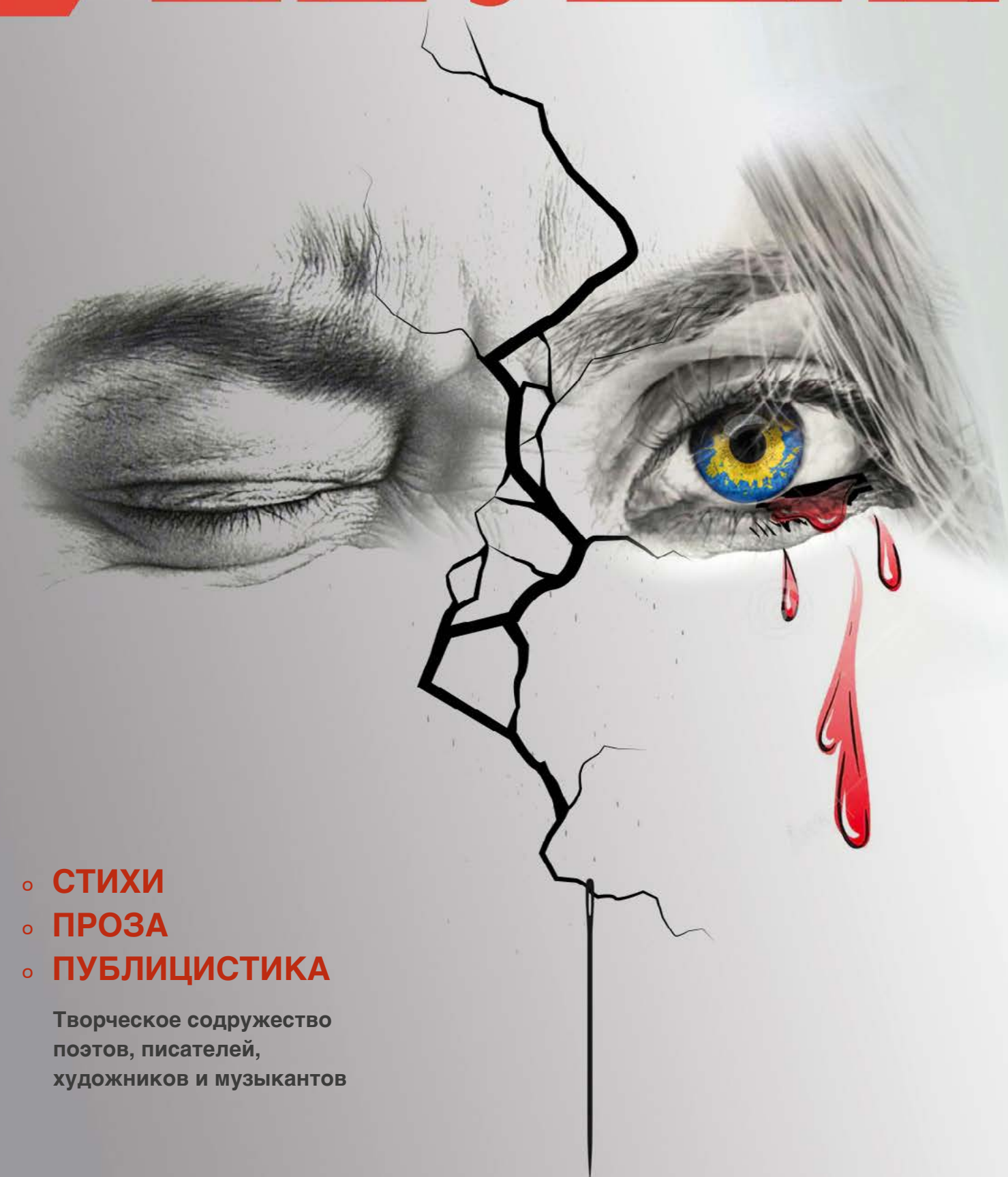

24.02.2024

№ 3

- СТИХИ
- ПРОЗА
- ПУБЛИЦИСТИКА

Творческое содружество
поэтов, писателей,
художников и музыкантов

ТВОРЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО «ИГЛА»

НАД ВЫПУСКОМ РАБОТАЛИ:

Редактор выпуска:

Евгений Коган

Технические редакторы:

Карина Исакаева

Вера Арболь

Яков Наерман

Иллюстратор:

Дора Горина

Дизайнер выпуска:

Яна Кирикова

Координатор проекта:

Влад Галант

Особая благодарность **Вере Арболь** за озвучку большинства произведений, которые доступны на нашем сайте

WWW.PEACEART.TODAY

Вступительное слово редактора выпуска:

Долго подбирал слова, чтобы написать предуведомление от редактора. Смотрите, собрались вместе люди, очень разные, разбросанные по всему миру, — собрались, чтобы разговаривать, рассуждать, чтобы пытаться понять то, что происходит вокруг и что понять, осознать практически невозможно.

Результатом этой сборки стал альманах, который перед вами. В нем несколько десятков текстов, очень разных — как и их авторы. Это стихи, проза, болезненная попытка рефлексии о войне — вернее, о войнах, которые сотрясают наш и без того хрупкий мир. Это тексты, выражающие абсолютную поддержку Украине и Израилю, которые сейчас борются не только за собственное выживание, но сражаются с абсолютным злом — ради жизни всех нас. Это попытка услышать и попытаться что-то сказать тем, кто оказался — по собственной глупости, из страха или из подлого убеждения в собственной людоедской правоте — с другой стороны. Попытка, как по мне, довольно бессмысленная, но — благородная и, как минимум, честная и искренняя.

В давнем фильме Алексея Балабанова «Мне не больно» была выведена одна из стратегий выживания человека: найти своих и успокоиться. Воспользуемся первой частью этой формулы — «найти своих», до второй ещё очень далеко.

Будем вместе.

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ РЕДАКТОРА
ТРЕТЬЕГО ВЫПУСКА АЛЬМАНАХА «ИГЛА»:**

Евгений Коган

**Совладелец магазина и издательства «Бабель»,
Тель Авив.**

18 лет работал журналистом, три года редактор в издательстве Corpus.

Автор пяти книг прозы, одной книги стихов, автор и составитель книги «Слеза социализма, Дом забытых писателей» о неизвестной ленинградской литературе двадцатых и тридцатых годов прошлого века, автор книги «Мы придем еще. Личная хроника болотного дела».

Содержание:

ПОЭЗИЯ

Валерия Садковская	6-8
Ю. Петрова	9-10
В. Бовин	11
Наталья Е-К	11
Даша К.	12-14
Ирит	15-16
Георгий Гришко	17-19
Лилиана Янхофер	20
Ольга Прасол	21-22
Виктор Тумаркин	23
Вера Арболь	24-25
Семен Патлис	26
Эмилия Песочина	27-32

ПРОЗА

В. Бовин	33-35
Вера Арболь	36-39
Даниил Таль	40-41
Карина Исакаева	42-47
Наталья Е-К	48-51
Лилиана Янхофер	52-54
Арнольд Коптев	55-57
Яков Наерман	58-73
Вера Арболь	74-81
Анна Манукян	82-83
Яков Наерман	83

Мы навеки с тобой, друг, контужены,
В феврале бесконечном простужены.
При грозе приседаем синхронно,
Бьётся сердце частенько неровно.
Каменеют упрямые плечи,
Когда слышишь слова русской речи.
Пара кодовых фраз и понятно порой,
Кто сейчас говорит и стоит пред тобой.
До холодного липкого пота,
Может гул довести самолёта.
Не забыть, как звенела и выла,
Содрогаясь, земля от тротила.
Я тебя где-угодно узнаю,
Если только коснусь взора краем.
Никогда ты не станешь прежним собой,
Ведь война неотступно за нашей спиной.

СТРАНИЦА АВТОРА ►

Валерия Садковская УКРАИНА

В окровавленной и рваной вышиванке,
С сыном бездыханным на руках,
Ночью будет приходить иль спозаранку,
Наяву, в бреду или во снах.

Извиваясь в страхе на сыром матраце,
Вспомнишь всё, сожмешься в эмбрион...
И остаток жизни будешь озираться,
Забываясь только пьяным сном.

Перед смертью, осенью вмерзая в лужу,
Мутно видишь ты её везде.
Никому на родине своей не нужен,
Проклят, не забыт в чужой стране!

Незаметно для иных пройдет дорогой,
Голову его поправ ногой.
Безысходно где-то ждёт её убогий,
Сожалея, что ещё живой...

В постоянных поисках на миг покоя,
От себя не может убежать.
Жутко жизнь влачит, до визга и до воя...
Вряд ли, что его отмолит мать...

Валерия Садковская

Надо город держать нам снаружи,
Надо город держать изнутри.
Он был снова ракетой разбужен...
Не уеду, меня не зови!

Здесь у женщин такие наряды!
Есть что лучшее – всё на себя.
Ночь убили С 300 и Грады,
В этот миг лишь забота одна:

Надо в теплой быть яркой пижаме,
Так спасатель заметит быстрее!
Для собаки служебной духами,
Надушись, не забудь, посильней!

Когда Харьков кошмарят наш орки,
Я сама, как в абсурдном кино...
Как мы выглядеть будем все в морге?
Мысли женщин всегда про бельё...

Выпью кофе в кофейне без окон,
Там бариста, ну чем не герой?
Так случилось, считай это роком,
На границе миров город мой...

Я загнала все страхи подальше,
Только юмор черней и черней.
Очень остро все чувствуем фальши,
Настоящих как ценим друзей!

Каждый день делай то, что обязан,
Всё равно скоро будет весна!
Умереть мы не можем два раза,
Завершится и эта война...

Снова сердце трепещет, как птица,
Надо выдержать всё... и не спиться...

- Куда же я дену корову?
А как же оставлю кота?
И дома не будет другого,
Герань в нем цветет у окна...

- Езжайте, ребята, Бог с вами!
Я буду село охранять,
Молиться и днём, и ночами,
Чтоб все вы вернулись опять...

Поправив платок неизменный,
Крестила дрожащей рукой.
Осталась в убитой деревне,
Где воздух пропитан бедой.

...Корова погибла на mine,
Собаки сожрали кота,
Платочек трепал ветер синий,
Его заметала листва.

Герань на разбитом окошке
До самых морозов цвела...

Валерия Садковская

На руинах привычного мира,
Как на кромке весеннего льда,
Как листочек с мишенью из тира,
А вокруг подступает вода...

И от ярости до безнадёги,
От отчаянья до куража
Проложила себе я дорогу
Там, где тонкая очень межа.

Я смогла удержаться у края,
Повторяя всё время слова,
Бусидо так гласит самурая:
- Надо жить, будто ты умерла!

И тогда будет разум вменяем,
Каждый день, как подарок судьбы,
Плакать только во сне разрешаю,
Там я прежняя, как до войны...

Я не знала, кто все эти люди,
Хоть давно окружают меня.
И добраться смогла лишь до сути,
Когда всё обнажила война...

Я стучалась в закрытые двери,
Докричаться пыталась не раз.
Неподъёмны для сердца потери,
Как в пустыне рассеялся глас...

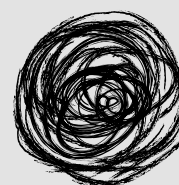
Отнимает последние силы,
Долго в бездну смотреться нельзя!
Ты вещаешь живой из могилы,
Я спасти не сумела тебя ...

Я энергию тратить не буду,
Нужен врач, может, здесь, экзорцист....
Превратили людей в кукол Вуду,
Ты у дьявола – просто статист.

Осознать не могла эти строки,
Так апостолам кто-то сказал,
Что у мельницы Божьей есть сроки,
И докатится вовремя вал.

Мертвых душ там, наверно, немало,
Вряд ли вспянут когда-то от снов.
Даже страшно от слов этих стало....
Пусть хоронят своих мертвецов...

(Евангелие от Матфея 8:22: «Пусть мертвые
сами хоронят своих мертвецов.»
Пушкин, « Письмо к Чаадаеву»: «...Россия
вспянет ото сна...»)

Валерия Садковская

Рабы гордились вертухаем,
Его тяжёлым сапогом.
Тюрьма казалась просто раем,
Они мечтали лишь о том,

Чтоб все ближайшие районы
Окутал этот страшный мрак.
И тех, кто смеет жить вне зоны,
Загнал в очередной барак.

Служитель церкви освящает
Тирана новый пьедестал,
Ещё на всех хватает паек,
Пока полупустой подвал...

Благодарит его за жертвы,
Пополнил так святую рать!
И понимаешь, зло – бессмертно,
И у попа на лбу – печать.

Не знаю, может, три шестерки,
Там свастика или звезда...
И запах серы... И карболки...
Мне чудится... И – нет креста.

До последнего биться за душу
Должен ангел с прислужником зла,
Но не слышит имеющий уши,
И терпения нет у меня...

Запасной не имею я жизни,
Одержимым её посвятить.
Объяснять, что не свадьба, а тризна,
И из черепа будут все пить.

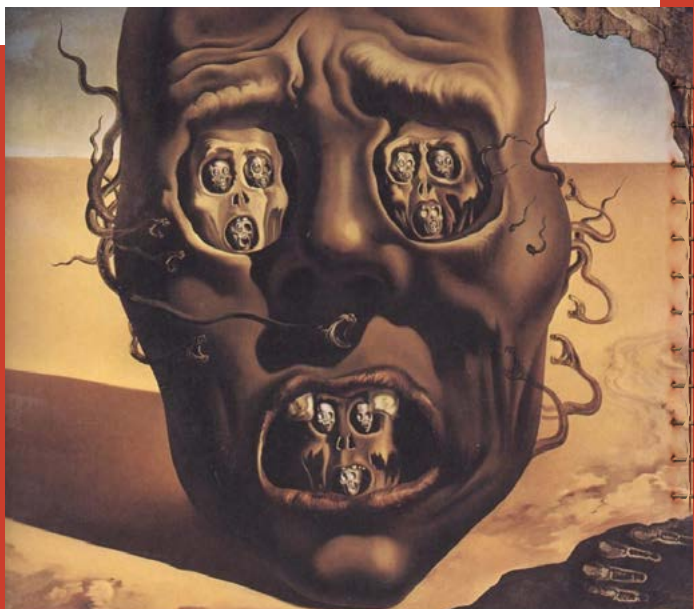
Понимаю людей, чья задача -
Выводить эти души из тьмы.
Пусть сопутствует гуру удача,
Прорежают пусть зомби ряды...

Уже не лица, а личины,
Не люди, а обитель зла.
От человека – лишь руины,
Из них наружу рвется тьма...

По каплям душу продавая,
Пустоты надо заполнять.
И мелких бесов просто стая
Спешит пространство заселять.

А хтонь преобразует тело,
Оно так выражает суть,
Тех тварей, что уже всецело
Там властвуют... И мрак, и муть,

И стылый ужас из глазницы
Взирают на наивный мир.
Прорвалась нежить сквозь границы,
И наполняет свой потир...

Я хотела еще написать слова
про живую боль, про траву и дрова,
но слова – словно ржавые колья.
Не вставали рядом, не обнялись,
проклинали смерть, поминали жизнь,
догорали меж сухими угольями.

В голове носила хрупкие стихи,
но слова не давались мне за грехи,
лишь шаблоны да глупости разные.
А в душе свербело: «Пиши, пиши,
вынимай по ниточке из души,
на запястье вяжи, если красные».

Не смогла подобрать слова о войне,
хоть и прав говорить не давали мне,
все слова очень резкими выдались.
Приходили с кровью, резали рот,
наследив, покинули мой блокнот
и в стихи чужие осыпались.

СТРАНИЦА АВТОРА ►

Ю. Петрова
БЕЛЬГИЯ

В это гнусное липкое лето,
где не видно от боли просвета,
зеленели в саду лопухи.
Дом пустел без хозяев радушных,
а во двор без запоров ненужных,
заходили попить пастухи.
Лес, расстрелянный в мелкие клочья,
зверь покинул, лишь стая сорочья
прилетала по ягоду днем.
Ни лесник, ни турист не водился
с той поры, когда ад приоткрылся
и остался навеки при нём.
Смерть в хитоне из льна и железа
здесь бродила с серебряным жезлом
или просто со ржавой клюкой.
Магазин без лошадок и кукол,
а за полем чернел Мариуполь.
Тоже мёртвый, но вечно живой.

Ю. Петрова

Земля глотала жадно капли,
мешала ложкой чернозём
и в брешь заталкивала паклю,
боясь, что в дыры уползём.
Боялась: выскользнем из леса,
из плотной сырости в земле,
из плесени берёз белесых
махнём в другое бытие.
И наступило межсезонье,
где мы слепые, как кроты,
сидели на пустом газоне,
держась за руки и хвосты.
А дождь поил червей упругих
и нервно сматывал в клубок.
Бог не был Господом двуногих,
нам пережавших кровотоки.

Не отличить сентябрь от июля,
не заключить в объятья в феврале
я перед сном глотаю по пилюле,
чтоб сердце не разорвалось во мне.

Весеннего мне месяца нисана
мерещатся кровавые шаги,
я как Фома, что пальцем лезет в рану,
а после пишет свитки от руки.

Он пишет: «Верю, Отче, верю,
я как осёл, глупее всех вокруг.
И просыпаться бодрым не умею,
и метку чёрную имею за испуг».

Я вижу виноградники Бахмута,
Артёмовскую тонкую лозу,
и жизнь берет начало ниоткуда,
и я её за пазухой несусь.

СТРАНИЦА АВТОРА ►

Наталья Е-К
РОССИЯ

АВГУСТ

Запретный плод и адская жара
Соединились будто бы в экстазе.
И снова август людям дал добра,
Румяных яблок, мёда и еще скрижали.

Спаси нас грешных, коих вся страна.
Молились за прощение искуса.
Сошел на нашу землю сатана,
Хоть ждали все пришествие Иисуса.

Никто не понял, что тех яблок дух
Давно перебродил в сивушный сидр.
И мёд смешался с дёгтем и протух,
И люди не тому царю молились.

СТРАНИЦА АВТОРА ►

В. Бовин
РОССИЯ

Диалог с Провидением. В рисунках

Пририсовать рога и пяточок
Портрету неугодного «героя» –
Невинная проказа, пустячок –
Все в детстве малевали так порою.

Потом в ход шли сигары и бутылки.
А как ещё изобразить порок
На фото отвратительной училки?
Пусть видят все! Вот будет ей «урок»!

Я повзрослел, мне больше не до шуток,
Очки-усы я больше не рисую.
Но проведу (сигнал Тому, кто чуток)
Внизу портрета линию косую.

СТРАНИЦА АВТОРА ►

Даша К.
РОССИЯ

Здесь все самые глупые рифмы, скверные мысли, примитивные ассоциации.
Здесь стихи превращаются в всхлипы, а любовь подлежит деформации.
Здесь, на этой печальной планете, были звери, цветы и проклятие,
Породившее человека. И как жить здесь – я без понятия.

Пусть разносится дым сигаретный вокруг нашей смиренной планеты,
Чтоб из космоса не был замечен этот мир восковой, перманентный.
Если станет кому-то известно, при каких мы живём обстоятельствах,
То раскроется чёрная бездна, неизбежным будет вмешательство.

Я хотела сказать не об этом, но внутри всё чернее чёрного.
Жить скучнее мне с каждым летом, с каждым годом больше больноОго.
Продолжаю как по сценарию: мало делаю – много хочется.
Если дождь никогда не закончится, пусть игра наконец закончится.

12.11.2022

Даша К.

Великий потоп

Просто привычка -
Опускать руки,
Раскатывать рукава.
Идёт перекличка,
Лишь робкие звуки
Возможно расшифровать.

Внутри я напичкан,
Нафарширован,
Но этого мало пока.
Не дали ключей,
Хоть в кармане отмычка,
А смелости нет нифига.

В тяжёлое время девиз неизменен:
Сейчас. А потом – никогда.
Свободу, как высшую ценность, отменят.
В их правильном мире беда.

Пророчества сбудутся – смыслы забудутся.
Течёт временная река.
Лишь пепел оставили шумные улицы –
Отмотан прогресс на века.

И заново всё. И к началу начал.
Придётся найти самый первый причал,
К которому прибыл ковчег.
Вот только бы юнга не подкачал.
Он мальчик, а не стратег.

Просто привычка –
Опускать руки,
Раскатывать рукава.
Идёт перекличка,
Лишь робкие звуки
Возможно расшифровать.

Мы встанем, мы выпрямим гордые спины.
Свистать всех наверх, и вперёд!
А чувство свободы у нас не отнимут.
Дан времени новый отсчёт.

10.11.2023

Даша К.

А он в раю сидит на стог сена
И видит в красках с пьедестала своего,
Как вишня зацвела, как зверствует сирена,
Как едут умирать ребята за него.

И молятся, чтоб их издохло больше:
Нацистов и предателей страны,
Чтоб мучились они гораздо дольше,
Чем жили и бывали влюблены.

За Родину, за святость и за деда,
Погибшего на фронте под Москвой.
Целуются студенты возле педа –
Взрываются гранаты, слышен бой.

Одни – в домах, другие спят в подвалах.
Одним оружие, а другим – весна.
Я прячусь, если страшно, в одеяло:
Напоминают всюду, что война.

Мечта в крови, любовь в грязи – нестрашно.
Нас нет свободней, нету нас честней.
Вот что действительно, что сто процентов важно –
Очистить землю от лукавства и страстей.

Он так напоминает мне солдата,
Кузнечика нашедшего в траве,
Чьего-то друга и врага, чьего-то брата -
Неужто так бывает на земле?..

В кудрях его соломинки, былинки,
Всё существо сияет чистотой.
А мы продолжим дальше, по старинке:
Гранаты, взрывы, кровь – священный бой.

Он за любовь, за всепрощение. Мы – за правду.
Он плачет, вопрошает. Мы – стоим.
Погиб он на кресте, низверг в ад гада.
І він не розуміє, що творим.

11.05.2023

В серой глыбе стационара,
В свежевывмытых корпусах,
По бесчисленным капиллярам
Растекается липкий страх.

Злая боль покусала тело,
Расцарапала старый шрам,
Сердце вытеснив за пределы
Острых линий кардиограмм.

Превращаются «до» и «после»
В неуверенное «сейчас».
Мысли, словно хмельные гости,
Хулиганят в полночный час.

Здесь над каждой кроватью ангел,
что на помощь стремглав летел,
И в сгустившейся тьме, как факел,
Как свеча, до утра горел.

СТРАНИЦА АВТОРА ►

Ирит
США

*Посвящается настоящему одесскому
джентльмену Евгению Хаиту*

Широка была страна родная
Безграничным был ее бюджет.
Но бесстыдно все разворовали,
И страны советской больше нет.

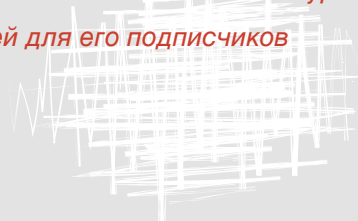
От Москвы до самых до окраин
Воровской рулил менталитет,
И чиновник был всему хозяин,
А народ за все держал ответ.

Жизнь текла не то чтобы ширОко,
Всем давала поровну – чуть-чуть,
Освещала партия дорогу,
И за нас решала как-нибудь.

Над страной весенний ветер веял,
Изотопы цезия неся,
К землям предков ехали евреи,
Навсегда меняя адреса.

Широка была страна родная,
Но непрочен был ее цемент.
Мир до основания разрушая,
Провалили весь эксперимент.

*(стих был написан в рамках поэтического конкурса,
организованного Женей для его подписчиков
в Инстаграм)*

Ирит

В стране без секса и без бога
Среди предпраздничных хлопот
Давалось радости немного:
Украсить ель на Новый год.

Я помню, в садике Снежинкой
На утренниках я была.
Плыл яркий запах мандаринки,
Был нежным вкусом конфет Стрела.

Корона в блёстках и косичка,
На общем фото хмурый вид.
Мне так хотелось быть лисичкой,
Что память до сих пор болит.

Вокруг сейчас темно и жутко,
Как будто разом все ослепли.
От жути бабочки в желудке
Высасывают кровь, как слепни.
Как будто разом все оглохли:
Так яро спорили о важном,
Что криком заглушили грохот,
Когда порвался мир бумажный,
Истерзанный с утра на ленты,
Не ожидающий подвоха,
И вновь собрался из фрагментов,
Рождая новую эпоху.

Вот папа идет на работу,
Играет с детишками мама.
В безоблачном небе полёты
Не птиц, а железного хлама.
У неба распорото брюхо,
Каскадом на землю осколки.
А в запертой комнате глухо,
Не вздрогнут ни стены, ни полки.
Не бойся, малыш, с нами купол,
Утихнут сигналы тревоги.
И неба зияющий рупор
Хоть что-нибудь скажет о Боге.

Рисунки
Ольги Прасол

Крест

На плечах неподъёмный крест.
Годы смутные. Люди скованы.
И распятие, как протест,
С потентатом не согласованный.

Подхалимы кричат «виват!»,
Триколорами в небо тыкая,
Оформляют билеты в ад
Узурпаторы, деньги ныкая.

И народу твердят одно:
Что, устроив гулянки праздные,
Лили спьяну на стол вино,
Оттого и манжеты красные.

Лизоблюды кричат «вперёд!»,
И скрывается отступление.
Мир не нам, а война не прёт,
Только тратятся накопления.

И покуда одни кричат
«К чёрту мир!» и убийцу чествуют,
Остальные пока молчат,
Рефлексируют и бездействуют.

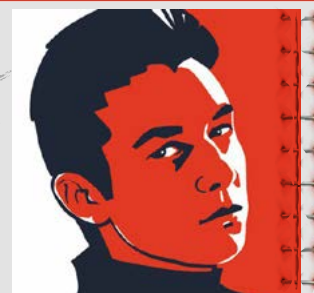
И пока им не надоест
Опрометчиво коронованный,
Чтобы легче казался крест,
Представляю, что он ворованный.

12.11.2022

СТРАНИЦА АВТОРА ►

Георгий
Гришко
РОССИЯ

В нулевых

В нулевых были мяч и санки,
Книжный шкаф, пианино, дед,
А десятым большое danke
За открывшийся Старый свет.

А двадцатые – в печь газеты,
Треск расколов, кутья, блины,
Серп и молот, орёл и «зеты»,
Непринятие чужой вины.

Площадь Красная сплошь в солдатах,
Хоть и временно, но живых.
Тлеет тело моё в двадцатых,
Но душа живёт в нулевых.

20.01.2024

20-е

Т

С

Не пускайте меня на парад

*Вот уже обновляют знамена. И строят в колонны.
И булыжник на площади чист, как паркет на полу.
А всё же на Запад идут и идут эшелоны.
И над похоронкой заходятся бабы в тылу.*

Владимир Высоцкий

Не пускайте меня на парад в честь девятого мая.
Там едва ли найти тех, кто помнит о страшной весне
Сорок пятого года. Там, гордо уставы ломая,
Распевает народ панегирики новой войне.

Там кричат «на Европу!» квиниты Четвёртого рейха,
Отрицая значение норм и понятий людских.
И у каждого третьего светит в одежде прореха,
Но не рабство своё обвиняют, а волю других.

Как душевно больная, на Красной шумит крепостная
Малодушная нация, что-то кричит генерал.
Не пускайте меня на парад на девятое мая.
Ну а если отпустите, гляньте, чтоб финку не брал.

09.06.2023

Георгий
Гришко

Я здесь был

Пилигримским посохом шест в метро
Я сжимаю до скрипа в нить.
Я везу цветы – пару роз ветров.
Чистый мрамор. Не уронить!

Я с трудом прошёл этот длинный ряд
Металлически серых дней.
Ты прости меня, я вернусь навряд.
Одному здесь ещё трудней,

Потому молчи, не играй в мишень,
Не плетись за чужим гробом,
За рабами всё повторяй, как тень,
В общем, стань, как они, рабом.

На «виват» зигуй, на девиз кивай,
А меня – я свой срок отбыл –
Не зови, не жди, не разыскивай,
Просто помни, что я здесь был.

24.08.2023

Георгий
Гришко

Как и все

Привлечь пытаюсь интерес Мессии,
Крутился мир, как белка в колесе.
Шёл из предавшей Библию России
Один солдат – такой же, как и все.

Он шёл на запад (никаких новинок)
В кругу таких же варваров-сельчан,
Насиловал красивых украинок,
Чтоб быть своим среди однополчан.

Стрелял в бегущих горожан в Херсоне,
Как старший братец в деревнях Чечни,
Как, в общем, все, кто был с ним в эшелоне.
Он был во всём таким же, как они.

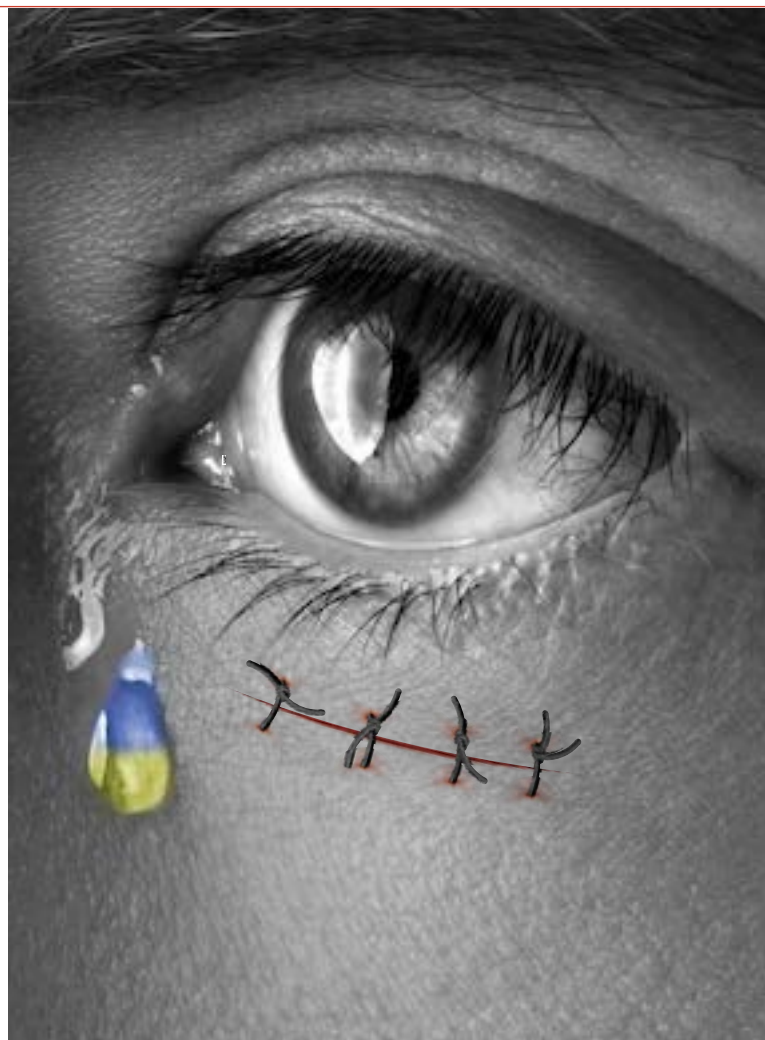
Он грабил мирных жителей с друзьями...
С товарищами (дружбы среди них нет),
С голодными звериными глазами
Срывал с деревьев золотой ренет.

Про их успехи все в тылу твердили,
Стал осязаем рукотворный ад,
Но воины дорогу преградили.
А воин стоит тысячу солдат.

Вступили в бой безумные приматы,
И он лишился кисти и ступни,
Как многие российские солдаты.
Он был во всём таким же, как они.

Привлечь пытаюсь интерес Мессии,
Мир крутится, как белка в колесе.
Погиб солдат-мучитель из России,
Он был таким же орком, как и все.

12.06.2023

Солнце греет, вольно дышит вспаханное поле,
отчий дом, пусть не богатый, но родной до боли.
Неужели вся забота, чтоб оставить хату,
узами связаться в браке, поклониться свату?

Мама косу расплетала. Крест, икона, ладан,
замуж дочку выдавала, парень то, что надо.
Звон бокалов, песни-пляски, пей да веселись,
горько, сладко, много шума, вот такая жизнь.

Много лет уж миновало, славен их союз:
хрусталь дрожат в серванте, напевая блюз,
треск стекла, гремит посуда, хруст костей в припев,
огнедышащая печка раскрывает зев.

Это ж мама говорила, пухом ей земля:
«Промолчи, стерпи, где надо, вспомни хоть меня».
Притерпелась – ну, и ладно, год сменяет год.
Люди молвят, бабы шепчут: «Любит, коли бьёт».

Декабрь 2023

СТРАНИЦА АВТОРА ►

Лилиана
Янхофер
РОССИЯ-США

Рисунки
Ольги Прасол

Мы постарели. На пару веков.
А время застыло. Февраль и точка.
Хороший был слоган «ніколи знов»,
Вот только опять нас бомбили ночью...

С утра переключка: «Живы?», «Вы как?»
Опять телефон, новостная лента...
Крейсер затоплен. Отличный знак.
Только что дальше? Нет ответа...

А за окошком расцвёл абрикос...
В феврале — абрикос? Это очень странно.
Кубарем жизни летят под откос,
Хорошо, что всё это не видит мама.

Прекрасный был слоган «ніколи знов»,
И маков поля на девятое мая.
Только вот «грады» я слышу вновь.
Что дальше? Победа. Я верю. Я знаю.

15.04.2022

Рисунки
Ольги Прасол

СТРАНИЦА АВТОРА ►

Ольга Прасол

УКРАИНА

Что тут скажешь, «везет» фантастически.
Не оглядывайся. Прошлого не вернуть.
Так уж вышло, что мы «счастливики»,
Черной кошке можем перебегать путь.

Чернобыль, распад, девяностые,
Революции, вирус и вот война.
Мы привыкли, что все не просто,
Научились отталкиваться от дна.

Болезнь Х угрожают в Давосе,
Планета летит не пойми куда,
Еще 50 миллионов скосит...
Мир, вероятно, сошел с ума.

Знаем, дальше не будет гладко.
Может, выплывем и в этот раз.
Наши внуки устанут слушать
Про войну с пандемией рассказ.

14.01.2024

Ольга Прасол

Розовых пони здесь больше нет,
Ускакали полями минными.
Нет иллюзий, и реже смех,
Да и сна нет ночами длинными.

Забыты мечты о Флоренции,
Дуомо с мостом Понте-Веккио.
Оказалось, в Харькове сердцем я,
Не сбежать ни путями, ни реками...

Ресторанчик над Влтавой в Крумлове...
Черт возьми, ведь роднее «Стрелка»!
Парк Шевченко с большими клумбами...
Просто пройти. Не бояться обстрела.

Страшный год почти на исходе,
И февраль нас не радует красками.
Чему быть — непременно будет.
Сил хватает на день — и прекрасно.

16.02.2023

Харьков

Какой выбрать цвет пижамы:
Желтый, розовый, голубой?
Яркий на фоне развалин
Под новой тревоги вой.
Мысли вполне реальны:
Что если завалит стеной?

Пуски. Сорок секунд долет.
Снова от взрыва дрожат
Стекла в оконной раме.
Близко? Чуть дальше прилет?
А в яркой цветной пижаме
Спасатель быстрее найдет.

Конечно, логичней красный,
На красном не видно кровь...
Лучше фланель, не атласную
С тонкой ажурной каймой...
Просто нам всем бы выжить
Этой холодной зимой...
12.01.2024

День расправляет крылья,
Очередь к блокпосту.
Это рутина. Привыкли
Держаться за пустоту.

Больше не строим планы
Долгие, год вперед.
Город залижет раны,
Будет зима. И все...

Где-то вдали — Победа,
Иначе и не бывать.
Мир. Без тревог рассветы...
Что-нибудь делать. Ждать...
16.09.2023

Патриаршие, Тушино, Старосадский, Фили –
Полный список московских моих адресов.
Эти семьдесят лет безвозвратно ушли,
Но на память никто не наложит засов.

Я, похоже, уже не увижу Москвы,
Ни Ивановской горки, ни спуска к реке.
А ведь до февраля был уверен, увы,
В том, что не окажусь от нее вдалеке.

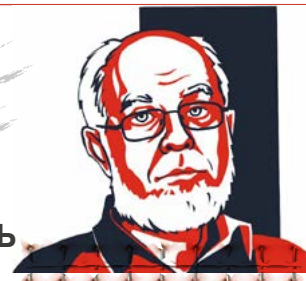
Говорят, чтобы вжиться в иную среду,
В ту, откуда пришел, погружаться нельзя.
Но ведь столько оставлено в этом аду.
Там не только могилы... Родные, друзья.

Там страна, что всю жизнь называл я своей
И в которой надеялся быть до конца,
Но безудержный мрак надвигался сильней,
И за мерзкой гримасой не видно лица.

Значит, стать суждено мне столпом соляным,
Хоть и к новому месту почти что привык.
Там, на севере, черен Отечества дым...
Постигаю страну, изучаю язык.

СТРАНИЦА АВТОРА ►

**Виктор
Тумаркин**
РОССИЯ - ИЗРАИЛЬ

И куда летим по встречной?
То ль к острогу, то ль к закату.
Мы как в юности беспечны
Без врача и адвоката,
Хоть и знаем не из сказки
Все возможные сюжеты.

Наверху сгущают краски.
Мы ж себя казним за это...

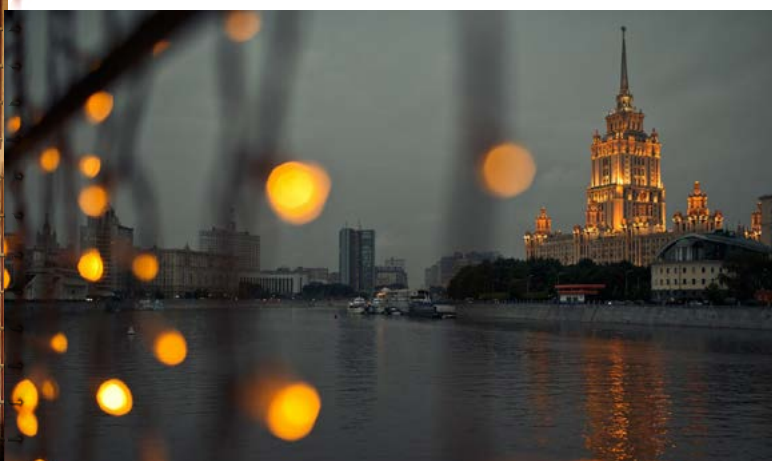
2020

Приглашение

Приезжайте к нам после войны.
Надо бы скорее повидаться.
Поболтать, поплакать, посмеяться.
Помянуть ушедших мы должны.

Сколько их? Стаканы вновь полны.
И чем дальше - чаще рвутся нити.
Так что собирайтесь, не тяните,
Приезжайте к нам после войны.

2024

«Как хорошо мы плохо жили»

Борис Рыжий

Насчёт «Как хорошо мы плохо жили»: да – хорошо и плохо – трудно спорить, слагают о годах советских были, мне хочется поэту следом вторить.

Ведь если только «хорошо» – неправда, и если «плохо» лишь – большая ложь, те, кто за первое, сейчас с кувалдой, других страна теряет ни за грош.

Я помню, хорошо было встречаться, застолья пировать и песни петь, но плохо было быть овцой, братцы, на поле блеять, подставляя бок под плеть.

И я всегда беру в себя всё разом, что бы имперцы там ни говорили, нельзя делить магическую фразу, друзья, «Как хорошо мы плохо жили».

СТРАНИЦА АВТОРА ►

Вера Арболь

РОССИЯ - США

Письмо в лагерь

Здравствуй, мамочка! Почему ты не пишешь?
Я не сплю, а за стенкой воют мыши.
Мама, может быть, у тебя нет бумаги?
Умоляю, ответь, развеи мои страхи.
Как ты думаешь, мамочка, папа живой?
Потерпи три года – мы поедем домой.
Я не жалуясь, мам, я в полном порядке –
я пишу стихи в полосатой тетрадке.
Вчера нам одежду новую выдали,
волос только нет, чтоб не жили с гнидами,
но дали платье, рейтузы, пару чулок –
надо беречь теперь, чтобы осталось впрок.
Ты, наверно, старенькая, мамочка, стала
с тех пор, как ночью тебя забрали с вокзала,
я по тебе скучаю – хоть на луну вой,
всё хочу и не могу вспомнить голос твой,
не могу представить тебя, я всё забыла,
маленькая была... ой, разлились чернила!
Я пришлю тебе бумагу, конверт и марки,
напиши мне, мама, – это будет подарком.
Всё, писать больше нечего, целую сто раз,
с самым тёплым приветом, твоя дочь, пятый класс.

Пишет в ВКонтakte зет-патриотка Оля:
 «Боже, лето пришло, так хочется к морю!
 Как раньше было прекрасно – Испания и Канары,
 а сейчас выбор невелик: всё надоело, всё старо –
 Турция, Тайланд, Египет... вот ещё Крым,
 но там ведь бомбят – пожары, огонь и дым.
 Что мы им сделали, неонацистам поганым?
 Ребята наши в окопах сидят, лечат раны».
 Оля наносит французские кремы, потом «Маскеру»,
 последние шмотки из Италии – какого хера,
 проверяет в айфоне соцсети, ставит лайки,
 телевизор фоном на кухне несёт зет-байки.
 Потом выходит во двор, наступает в собачье говно:
 «Етит твою мать! Ну что за жизнь! Поеду куплю вино», –
 садится в «Тайоту», берёт из пачки «Мальборо» сигарету,
 думает: «Надо добавить – далеко летят наши ракеты.
 С кем позорные лохи воюют? С самой Россией!
 Скоро получают ядерку, что ж, они напросились,
 Сволочи-американцы и, конечно, НАТО –
 Давно в наших бедах только они виноваты».
 Звонит мобильник – мама кричит: «Ты дома?
 Срочно уезжай – над Москвой летят дроны!»
 Что это – реальность или дурное кино?
 Оля шепчет: «Мама, за что это нам, за что?!»

Вера Арболь

Свеча горела на столе,
 Летел на пламя мотылёк,
 И жизнь казалась веселей,
 Хоть был он страшно одинок.

А ночь трезвила холодком,
 Свеча горела на столе.
 Мерцал он бледным маяком,
 Отпор давая вязкой мгле.

И по невидимой петле
 Влетел смельчак в ночной огонь.
 Свеча горела на столе.
 Нельзя таких! Не смей, не тронь!

Но пламя взмыло высоко,
 Даруя яркий свет земле,
 И вспышку видно далеко.
 Свеча горела на столе.

У лжи короткие ноги,
Но очень длинные руки,
И очень хваткие пальцы,
И очень цепкие ногти,
И очень липкие мысли,
И очень ловкие трюки,
И очень гордая поступь,
И очень острые локти.

У правды слабая память
И неприметная внешность;
Она неудобна, будто
Квадратное колесо;
Она исчезает, если
В неё попадёт погрешность;
Увидеть её не сложно,
Но трудно узнать в лицо.

Мы правды желаем вроде,
Но миримся с малой ложью,
И даже с не очень малой
Мы тоже готовы жить.
Такой уж закон в природе:
Бесправдье - как бездорожье,
В грязи колеи кривые,
Но можно по ним ходить.

И ходим мы так, как можем;
И ползаем и страдаем,
И падаем, если скользко,
И снова ползём в грязи
Куда колея ведёт нас,
Беспутная и кривая;
И крутимся, как умеем...
И учим детей:
- Ползи!

СТРАНИЦА АВТОРА ►

**Семен
Патлис**
США

Когда на долг призовут меня,
навстречу выйдет седой апостол.
Он даст мне саблю, и даст коня,
и, без улыбки, прикажет просто
той саблей голову с плеч снести
кому-то грешному, – в испытанье;
“Не беспокойся”, мол, – “Он простит
тебя за верность и послушанье”.
Потом велит оседлать коня,
даст в руки Книгу, и Знамя Правды
нести народам пошлёт меня,
где можно – словом, где надо – саблей.
И если я с той войны вернусь –
в заплатах грудь и душа из стали, –
он скажет так, не скрывая грусть:
– “Зачем ты здесь? Мы тебя не ждали”.

2008 г.

Розповідь до різдва

Ніч на небі Зірку синю
Засвітила.
Під ялинкой мати сина
Народила,
Бо від обстрілів ховалась,
Ледве встигла,
А поки дитя з'являлось,
Усе стихло.

Зорі, мов святкові кулі,
Над ялинкой.
Знов стріляють. Цілять кулі
У дитинку.
Наказали їм летіти,
Все трощити,
Відшукати, де є діти —
Та влучити.

Як устати? Де та сила?
Тіло стине.
Загорнула мати сина
У хустину.
Треба йти, свою кровинку
Рятувати.
Ось село, ба всюди вирви,
А не хати.

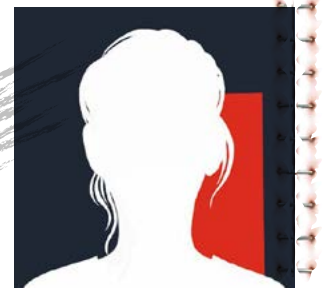
Та до Бога від порога
Недалеко.
Лле Він світло на дорогу,
Мов із глека.
Каже: "Жінко, дорогенька,
Допоможем!
Йде до тебе моя Ненька,
Мати Божа!"

Вже летить Вона крізь чорне
Божевілля,
Забира в небесний човник
Породіллю.
Колисають хмарку-люльку
Янголятка,
Загортають у пелюшку
Немовлятко.

Бог стоїть над ним у клубах
Хмари сивой:
Ось тобі, онучок любий,
Зірка синя...

СТРАНИЦА АВТОРА ►

**Эмилия
Песочина**
ГЕРМАНИЯ

Мы победим

Едва ли время боль излечит.
Не превратится память в дым.
Мы выживем. Мы победим.
Но, Бог мой, как поступишь с ним,
С тем, кто страну мою калечит?

...Он шёл, он выл, он бил, он жёг,
Марал огнём дома и храмы.
Ребенка на глазах у мамы
Расстреливал (на куче хлама
Слетевший с ножки башмачок).

Сжирал, растаптывал, хрустел,
Насиловал, смеясь при этом.
Он счёт ни бомбам, ни ракетам
Не вёл. В канавах и кюветах
Лежали груды мертвых тел...

Мы выживем. Мы победим.
Построим вёсны на руинах.
Из пепла встанет Украина.
Но проклятой россии сына,
Мой Боже, Ты оставь живым.

Ни мукой казни страшной самой,
Ни тысячей своих смертей
Он не искупит кровь детей.
Ты лики мёртвых матерей
Веди перед его глазами.

Вели страданиям людским
Впиваться острыми ростками
В его бездушие веками,
И просит гибели пускай он,
Но не дождётся, словно Каин,
Из всех углов земли гоним.

Ты небеса закрой над нами
Своими Теплыми Руками.
Весна прольется ручейками,
И мы — с Тобой — победим!

**Эмилия
Песочина****Убийце**

*«Достань из чемодана пистолет,
Достань и заложь его в ломбард»*

Иосиф Бродский

На душу нацепи бронежилет.
Хотя зачем? Её ведь не пробьёшь!
Оставь смешную совесть на столе.
А будет приставать — убей, как вошь.

Снеси в ломбард достоинство и честь
И за бутылку водки заложь.
Кому они потребны вообще,
Когда пошла совсем другая жизнь?

Главарь команды трехэтажный мат
В строю привычно сплюнет изо рта.
Держи в руках покрепче автомат.
Иди. Стреляй вокруг от живота.

Пали из «Ураганов» и «Смерчей».
Пробей в небесноглавом храме брешь.
Стань вестником мучительных смертей.
Забей кота. И лапы псу отрежь.

Полей младенцев бомбовым дождем.
Оставь от городов одни лишь пни.
Спали дотла вокзал, детсад, роддом.
И женщину брось на пол и распни.

Души. Насилуй. Унижай. Пытай.
Твой час настал! Дорогу молодым!

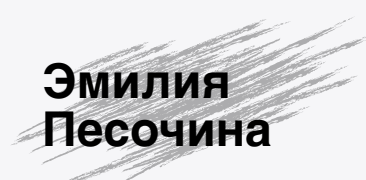
Но бац! — и вместо сердца пустота!
Но паф! — и вместо крови черный дым
В тебе, любимом! Полон рот мочи,
Дерьмом забито горло и золой.

Ты хочешь крикнуть: «Боже!»
Бог молчит.
Ты мать зовёшь.
Не слышен вопль твой.

Ты падаешь, и на твоей груди
Стоят собаки, дети и коты.
Убитые идут тебя судить,
Ощерив мукой сведенные рты.

Ты в ужасе: «Я умер? Я в аду?»
о чёрный ангел говорит: «Нет. Жив.
И не надейся. Смерти не дадут.
Ты вечный ад при жизни заслужил».
Во смраде честь и совесть мельтешат.
Бог в небесах по-прежнему молчит.
А над тобой стоит твоя душа
И поминальной свечкою горит..

Эмилия
Песочина

Навылет

Ранена жизнь в живот.
Сердце на вылет рвётся.
Боль в миллиарды вольт
Между висками бьётся.
Вне голубых высот
Дымом затянут воздух.
Землю обстрел сечёт
Плёткой тысячехвостой.

Смерть раздают на вес
Бомбы под вой сирены.
Город болеет весь
Чёрных домов гангреной.
Горы калёных бед.
Ямы утрат навеки.
Танками по судьбе
Ездят бесчеловеки.

Тонкие ветки рук
Как ни сплетай на шее —
Вот он, споткнулся вдруг...
Вот он, упал в траншею...
Страшно стоять, стоять...
Слишком люта охота.
Вотум небес — изъять
Душу из обихода.

Но говорят врачи:
«Стоп, он еще не выбыл!
Волоком жизнь тащи.
Волком вгрызайся в гибель.
Ты ведь из тех краёв,
Где все подряд зубасты!
Перекуси её
Напополам — и баста!»

Водкой полился дождь.
Рана кровит портвейном.
Выстрелов злой галдёж
Смолк в тишине трофейной.
Кончен вселенский хай.
Больше ничто не воет.

Руки не размыкай.
Крепче держи. Он твой ведь.
Можешь у тьмы отнять
Ярой, осатанелой!
Можешь его обнять,
Не отпустить на небо!

Выглянул Бог из недр
Сини: «Да, ты права, и
Рано ему ко Мне...
Жизнь-то опять живая...»

Емилиа Песочина

П'ятисотый день Війни

П'ятсот, п'ятсот один — яка різниця,
Коли відбилось небо у зіницях,
І райдужна тьмяніє оболонка,
І завмира скоцюрблена долонька,
І більше кров не витікає з ранок?

І це можливо в будь-який світанок,
Півтисячі ночей та ранків поспіль,
І стільки болю у небесній пошті,
Що Бог листи бариться відкривати.

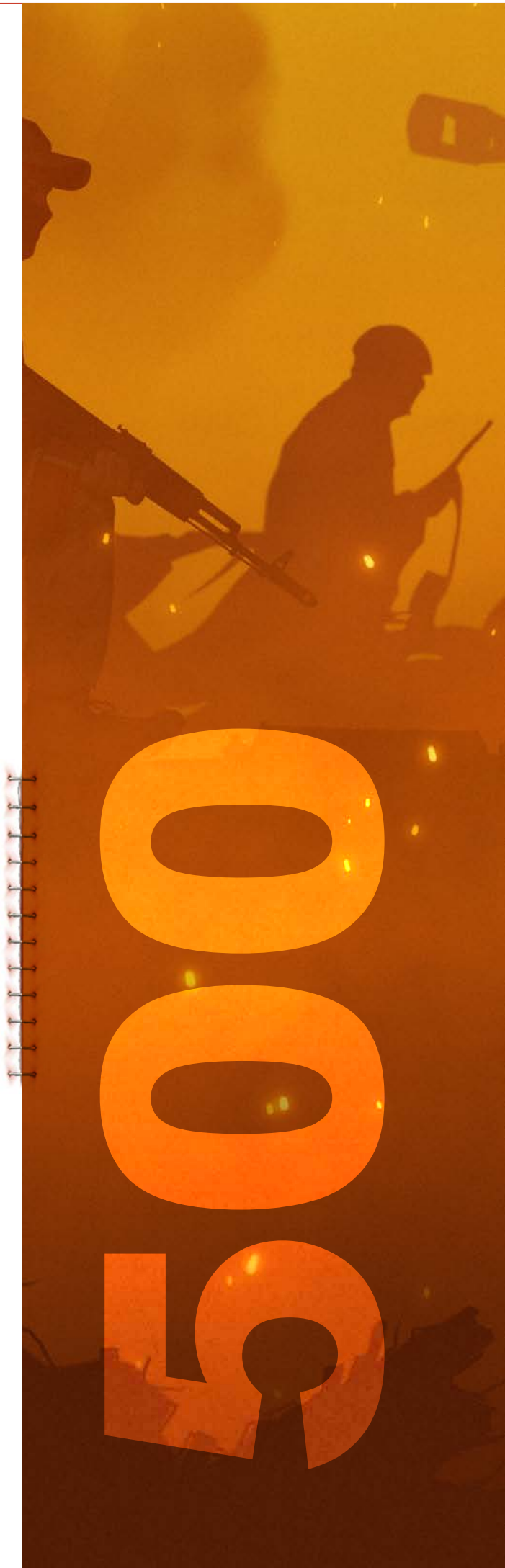
Із хмарної скривавленої вати
Біжить червоний струмисько аж додолу,
На спину двору, випалену й голу.
Там чорна мати в стані напівтями
Застигла над маленькими хрестами.

П'ятсот? І далі? Господи, будь ласка!
Не треба! Мов розпечена праска,
Війна катує душу безпорадну
І струмом люті б'є її нещадно.
Життя зліта в повітря, мов кульбабка...
П'ятсот-гіркий... П'ятсот-страшний... Трикрапка...

Світ вигина, мов у правці, судома,
І вирила ракета серце дому,
А безпілотник знову десь гундосить.
До тисячі лічити? Боже, досить!

До вух Твоїх благальний зойк піднісся!
Не знищуй нас! Помилуй! Зупинися!
Нехай мара війни навіки щезне!
Даруй нам знов киплячі світлом весни!

І ще — Ти не відмов, Царю Небесний —
Хай немовля з-під хрестика воскресне...

КАХОВСЬКА
ПОВІНЬЕмилія
ПесочинаКАХОВСЬКА
ПОВІНЬ

Пливуть поволі
Доми, собаки,
Солома, бильця..
Зламали долю
Старенькій бабці
Кати-убивці.

Старі ворота,
Гніздо лелече —
Усе на хвилі...
У греблі з рота
Мов кровотеча,
Мов болю вилив.

Орда жадлива,
Тварюки хижі
Вчинили вибух.

Під вінця гнівом
Вже повна діжа,
Терпець весь вибіг.

Тож начувайтесь,
Бридкі почвари!
Вже крикнув півень!
Не намагайтесь
Уникнуть кари,
Ба рине повинь!

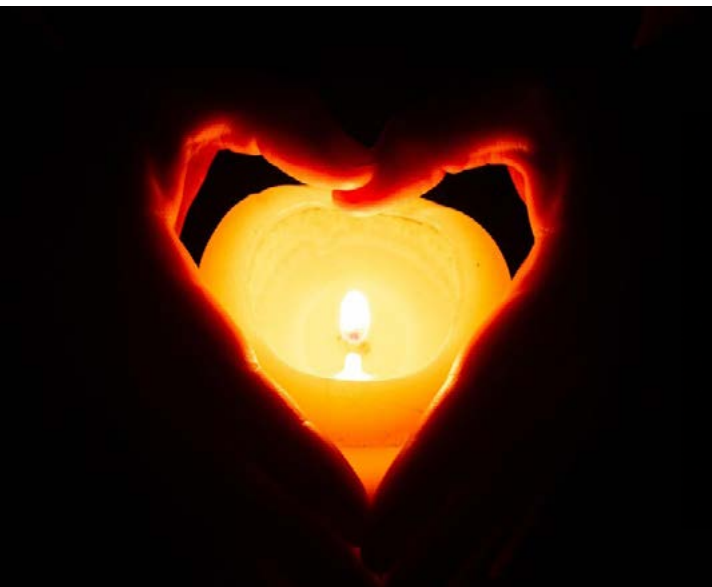
Хай тобі трясця,
Гидото чорна!
Хоч на дерева
Ти поздирайся —
Та Божі жорна
Працюють ревно!

То що, гадюко?!
Мерщій тікай-но!
Пірнай, сволото,
В свою багнюку —
І чвакне файно
Жаске болото!

А ми поволі
Розкриєм крила,
Всотаєм сонце,
Постука воля,
Свобода мила
До нас в віконце.

В гніздечку шорхне
Птах пелехатий —
Поважний бусел.
З війни прийшовши,
Збудує хату
Онук бабусі.

Эмілія Песочина

Розповідь до різдва

Ніч на небі Зірку синю
Засвітила.
Під ялинкой мати сина
Народила,
Бо від обстрілів ховалась,
Ледве встигла,
А поки дитя з'являлось,
Усе стихло.

Зорі, мов святкові кулі,
Над ялинкой.
Знов стріляють. Цілять кулі
У дитинку.
Наказали їм летіти,
Все трощити,
Відшукати, де є діти —
Та влучити.

Як устати? Де та сила?
Тіло стине.
Загорнула мати сина
У хустину.
Треба йти, свою кровинку
Рятувати.
Ось село, ба всюди вирви,
А не хати.

Та до Бога від порога
Недалеко.
Лле Він світло на дорогу,
Мов із глека.
Каже: "Жінко, дорогенька,
Допоможем!
Йде до тебе моя Ненька,
Мати Божа!"

Вже летить Вона крізь чорне
Божевілля,
Забира в небесний човник
Породіллю.
Колисають хмарку-люльку
Янголятка,
Загортають у пелюшку
Немовлятко.

Бог стоїть над ним у клубах
Хмари сивой:
Ось тобі, онучок любий,
Зірка синя...

РЕПЕЛЛЕНТ

Наверное, всем нравится представлять, как вы караете своего врага? Понятно, что это не обязательно планы относительно расчленёнки и приготовления печени соперника, как в «Молчании ягнят». Но некоторые садистские мысли случаются, чего уж...

Я давно понял – нет никакого смысла в выигрыше, если побеждённый не страдает, если он не кусает локти, если просто жмёт тебе руку, признавая твоё превосходство, или проигрывает молча, без видимого сожаления. Нужны переживания, нужна драма. Иногда даже трагедия нужна.

Но как быть, если на кону не партия в шахматы, не спор о спортивных достижениях, не рабочий проект и даже не судебный процесс? Как быть, если ставка – мироустройство? А участники драмы – вы с вашими оппонентами – настолько чужие, что нет ни малейшей надежды на коммуникацию.

Казалось бы – не может такого быть! Но – может. Вы пытались хоть раз заставить страдать комара? Не просто смахнуть назойливое насекомое, а медленно и методично уничтожать его: поймать, обездвигить, последовательно наносить травмы? Как думаете, каков был бы результат? Проносился ли в его комариной голове набор причитаний вроде: «Ах, зачем я не напился кровушки из той спящей псины во дворе»? Или: «Если получится выбраться, никогда больше не буду пастись в этой квартире»?

Вы вели когда-нибудь диалог со слепнями? Так, чтобы зачитать обвинение, описать обстоятельства, сформулировать и привести в исполнение приговор? Нет же, я думаю.

Потому что разговор с насекомым о боли, о смысле, о любви и о подлости бесперспективен. Точнее, он не может существовать. Между нами нет когнитивного противостояния. Между нами нет дискуссии. Мы вне идеологии.

А теперь без шуток.

В Евангелии сказано: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

Те, кто видит (а следом и называет) белое черным, а черное белым, кто сам отказался от Бога, от Логоса, – они должны быть лишены слова. Они не достойны слова. Они не заслуживают, чтобы звуки, ими извлекаемые, становились словами, чтобы они были услышаны и получили ответ. Они стремятся к уничтожению, к хаосу, к пустоте, к Ничто... Они должны получить Ничто.

Мы с нашими оппонентами в равном положении.

Тут рассуждают о силе просвещения, о возможности убедить, о силе любви и о том, как открыть глаза. Мы пытаемся переубедить друг друга, но на деле противопоставляем солёное красному.

Нет, в это я больше не верю. Я не смогу переубедить насекомых; меня не переубедят те, для кого насекомое – я.

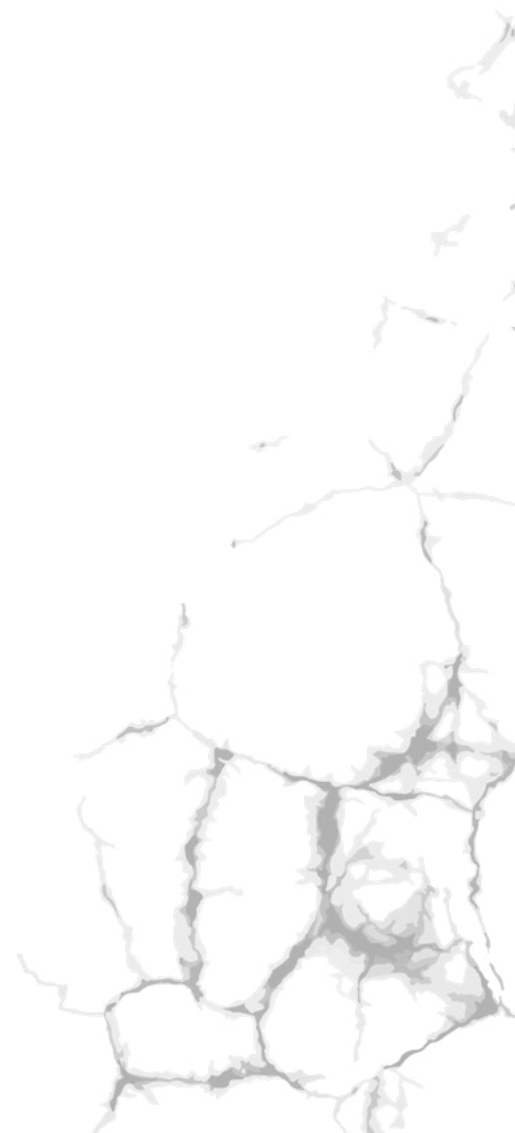
Не пытаюсь задеть их, не тешу себя иллюзией о ментальном или эмоциональном превосходстве. Тут другое.

В. Бовин

РОССИЯ

СТРАНИЦА АВТОРА ►

Признаю, враг куда мощнее меня, мои единомышленники разобщены, а враг – единое целое. Их идея не нуждается в конкретике. Их дискурс – смерть, прах, пустота. Никакие детали не имеют значения, их – легион.

Мне чужда уверенность в том, что я обладаю полномочиями приговорить «их». Меня собака-то не всегда слушается. Но я могу попробовать совладать с собой. Я могу лишить их своего слова. Я могу их лишить возможности быть услышанными. Тишина, пустота, ничто – вот, что я могу им «дать».

Да, разговоры со мной, возможно, не так уж высоко ценятся. У меня нет фантазий на тему того, что лишённые бесед со мной будут рыдать. Тем самым я не перекрою воздух. Просто буду практичным: я заберу своё слово, и не приму от них.

Вот Дмитрий Атрис. Его стихи опубликованы [тут: ►](#)

*Под орудийный бит, открыв клыкастый рот,
архангел протрубит победных восемь нот.*

О чём нам дискутировать? Стоит ли мне рассказать, что клыкастый рот – это не самая распространённая для архангелов деталь облика?

Вот Инна Кучерова. Её стихи на том же [ресурсе: ►](#)

*Кости сводит и ломит,
И крепчает мороз,
С ним сегодня преломит
Чёрный хлеб сам Христос.*

Из дальнейшего повествования ясно: автор считает, что снизошедшее на него вдохновение как бы подразумевает победу жизни над смертью. Но нужно ли говорить, что трапеза с Господом подразумевает несколько иное развитие земных событий?

Между нами нет, и, похоже, не будет диалога.
Между нами больше нет Слова.

Репеллент! Включим-ка его! А когда придёт время, когда рассветёт, тот, кто останется, вытряхнет дрянь, собравшуюся между оконными рамами, и проветрит квартиру, чтобы ветром выдуло всё это ничто.
Скорей бы восход.

В. Бовин**РЕПЕЛЛЕНТ**

ПАСХАЛЬНОЕ

В. Бовин

Это должно было стать стихотворением.

Чтобы завязка, развитие, парадокс, а потом катарсис – в две-три строфы
ложились в память.

Чтобы проще было делиться, проще находить отклик. Но идея, влетев в со-
знание, не взяла с собой пристойных рифм, отказалась жить в логике ямба.

Я пробовал хорей. Да, хорей! Точно. Марш.

Та'к, так, та'к, и...

Ни хера.

А нужно скорее поделиться мыслью. Потому что это – благовест. Я специ-
ально проверил в «Википедии».

Точно – благовест.

Ближе к теме.

Всем, кто видит, как культ смерти поглощает живых, видит, как оскал чере-
па выдают за улыбку Моны Лизы, – всем нам важно почувствовать себя не
одинокими. Нам важно знать, что нас много, и мы готовы возразить сатане.

И это не будет голосом в пустыне.

Знаете, что (кто) нам поможет? Никогда не догадаетесь! Нам поможет...

Русская Православная церковь. РПЦ.

Выдохните. Отплюйтесь.

Я не проповедник. Тут другое – сарказм. Господний сарказм. Настоящий.

Вот к такой проповеди я готов.

Во-первых, дата. Пасха выпадает на 5 мая. Это 05/05.

Любой дошкольник в России знает, что такое 0,5. Любой, складывая 0,5 и
0,5, говорит «литр», а не «единица»!

Во-вторых, ХВ. К Пасхе, до и после неё эти буквы повсюду, как ёлки с кло-
чьями фольги после Нового года. Христос воскрес! Без сомнений. Но не в
этот раз.

Да, сейчас, сегодня, в 2024 году, до Пасхи, на Пасху и после неё я назначаю
другой перевод. Другую транскрипцию.

В этот раз – Хуй Войне!

Едва ли это менее благая весть сегодня. В 2024 году от Рождества Христова
в России нельзя дважды вслух произнести «нет войне» и не переехать из
квартиры или офиса в КПЗ.

Но 5 мая в каждом городе, в каждом селе, по ТВ и в оффлайне – везде – бу-
дут символы ХВ. Наша задача в том, чтобы любой второклассник, увидев на
Храме Христа Спасителя эти буквы, спросил у родителей: «Это хуй войне,
да»? Чтобы любой, кто кладёт в корзину в «Пятёрочке» два по ноль-пять,
чувствовал, что он причащается противостояния.

Мы должны поселить этот нарратив в людях. Нам нужно провозгласить это.
И любой (любой!), кто произнесет «Христос воскрес», и любой приверже-
нец другой религии, должен знать, что в 2024 году «ХВ» – синоним двух дру-
гих спасительных для наших душ слов:

ХУЙ ВОЙНЕ!

**Вера
Арболь**

РОССИЯ - США

СТРАНИЦА АВТОРА ►

О ПРАВДЕ

Вот на Путинщине выходит на свет Правда – угловатая, неуклюжая, непривлекательная в глазах многих, даже страшная. Нельзя пустить гулять её по миру – накликает людское неудовольствие, поднимет волну возмущения. По приказу дельцы-ловкачи тут же ловят её – она всецело в их власти, могут с ней делать всё, что захотят. И делают из неё «красивую» куклу: обрывают ей ноги, чтобы далеко не ушла, приделывают бутафорские протезы, вырывают язык, красят лицо, навешивают украшения. Играют с ней. Кровожадные могут избить, изнасиловать и снова одеть в нарядное платье по моде. Меняют ей имя на благозвучное, с противоположным значением.

И вот на утро выставляют куклу на показ люду – стоит она припудренная, принаряженная, молчаливая. Смотрят люди. Кто-то мимо проходит – всё равно ему, кто перед ним – одной больше, одной меньше; кто-то одобряет, клацает языком, хвалит хозяев за вкус, гордимся тобой, говорит. Кто-то присматривается, трёт глаза, наконец, решает: «Ты приличная, вроде, выглядишь хорошо – принимаем тебя». Другие обходят бывшую Правду и, не спеша, рассуждают: «Ну, может, ты и не ахти-что, да совершенства-то нет нигде, но можно ведь повернуть тебя выгодной стороной – и порядок, дальше и с тобой жить можно, как привыкли. Зачем волноваться?» Только опытные – те, кто повидал много таких кукол, подходят ближе, скребут ногтем – штукатурка отваливается, грим течёт, высовываются культы из-под стильной одежды. Им говорят: «Что это вы, Правду нашу проверяете?» Но они вместо «Правда» слышат «Кривда». А ещё бывает, что самые смелые из смекалистых подхватывают её на руки, отмывают, ужасаются адским превращениям, совершённым над ней, и всё-таки несут показать её людям такой, какая она есть на самом деле.

Перепуганные хозяева объявляют погоню. И если ироды-ловкачи настигают смельчаков, то тем несдобровать – садят их под крепкие замки, за высокие заборы. А Кривду снова водружают на прежнее место. И пылится она там, пока новый герой не подберёт её и вновь не представит миру под её настоящим именем.

**Вера
Арболь**

ТЫ ЗАПИСАЛСЯ?

Вячеслав Петрович Овечкин работал слесарем на частной автостанции. Слесарил потихоньку, на хлеб с маслом хватало. В прошлые годы даже подковать удавалось. Однако машин в ремонте в последнее время сильно прибавилось, и Овечкин еле-еле сводил концы с концами. Хозяин станции матерился, разводил руками: мол, что я могу. Овечкин с пониманием вздыхал и шлёпал домой по серым безликим улицам.

По вечерам жена Света в ядовито-розовом халате в зелёный горох встречала Овечкина на кухне, и они садились ужинать. Обычно Светка варила какой-нибудь суп с лапшой и курицей или борщ. Второе готовила редко – если с мясом или рыбой, выходило дорого. Овечкин молча хлебал из тарелки, перекачивал чёрный хлеб во рту, кусал чесночный зубчик. Его уши заметно шевелились в такт движению челюстей. Сын-подросток сидел по левую руку, изредка, украдкой, бросая взгляд на отца. Иногда Овечкин спрашивал сына: «Ну, как дела в школе? Двоек много нахватал?» Сын Валерка нарочито грубо бурчал в ответ: «Чё много? Нормально». И оба, удовлетворённые таким семейным разговором, продолжали швыркать суп. Светка ела вместе с ними и обязательно начинала болтать о всякой ерунде. Иногда, под хорошее настроение, Овечкин внимательно слушал жену, даже поддакивал, задавал уточняющие вопросы. Но сейчас настроение чаще было дрянным, и Овечкин молчал и, морщась, терпел Светкин трёп, дожидаясь момента, когда он, наконец, плюхнется на продавленный диван перед телевизором, чтобы, не шевелясь, завершить ещё один безрадостный вечер.

Их дочь Ленка в прошлом году окончила местный педагогический институт и теперь снимала однокомнатную квартиру на другом конце города. Она жила с парнем, который, кажется, работал охранником на какой-то базе. Парень то появлялся, то исчезал из Ленкиной жизни, замуж пока не звал. Тем не менее, она свято верила, что как только они купят квартиру в ипотеку, то тут же оформят отношения. Пока же она усердно копила на начальный взнос. С её мизерной зарплатой школьной училки и нестабильной прибылью возлюбленного ждать предстояло долго. Когда прижимало, дочь перехватывала денег на оплату съёмной квартиры у отца, но это был уж совсем крайний случай. Овечкин не одобрял её отделения от семьи – говорил, что сначала пусть замуж выйдет. Но разве она его слушала? Он закрывал глаза на своеволие дочери, порой угрожал не помогать, но всё-таки помогал.

Жена, продавщица в супермаркете, не была особенной поддержкой для семейного бюджета. А на днях она в который раз завела старую шарманку про ипотеку для Ленки:

– Слава, ну надо как-то помочь дочери, ей и замуж уже пора, деток рожать, и денег столько на съём уходит... Я уже подумала на нас ипотеку взять... на тебя, то есть, – осеклась она.

Овечкин упорно молчал. И вот вчера, так же за ужином, Светка рассказала, что дура Ленка таки оформила ипотеку на себя, надоело ей, видите ли, ждать у моря погоды.

– И как теперь выплачивать, ума не приложу, – упаднически заключила жена.

Овечкин только жалобно протянул:

– Бляяя, Света....

А сегодня утром босс – так они звали хозяина автомастерской – объявил, словно пулю в сердце Овечкина пустил:

– Извини, Петрович, придётся штат сократить – видишь, что происходит, совсем бизнес упал. Не могу больше платить тебе. Я тебе ещё за старую работу должен. Попробуй в «Мастер-авто» устроится.

**ЗАПИСАЛ
ОБРАЗОВЫЙ**

Вера Арболь

ТЫ ЗАПИСАЛСЯ?

Но оба они прекрасно знали, что там ситуация была не лучше. Овечкин, ни слова не говоря, пожал боссу руку и, не мешкая, вышел из мастерской.

Он шёл по улицам промозглого городка, перешагивая глубокие лужи. Его ноги месили увесистые шмоты грязи – накануне пролил холодный ливень, расквасив и без того бесформенные пешеходные тропы даже в тех местах, где когда-то, при Царе Горохе, положили асфальт. Овечкин думал: «Так вот оно как значит, быть безработным. Дожил, и как теперь выживать?» На пути ему встретилась выцветшая вывеска винного магазина, и он, особенно не размышляя, зашёл туда и вскоре вышел с чекушкой. По привычке Овечкин набрал номер своего кореша Серёги. Тот, как назло, не ответил – да и не мудрено, утром-то. Куда пойти, Овечкин не знал. Ноги привычно вели домой. Неожиданно взгляд его упал на новый рекламный щит, выгодно установленный на перекрёстке. Броская реклама гласила: «Ты записался добровольцем?» Рядом красовался знакомый образ солдата в будёновке времён гражданской войны. Вступление в славные ряды вооружённых сил России сулило щедрое вознаграждение – два миллиона рублей.

Придя домой, Овечкин уверенно прошёл в кухню и, ни минуты не думая, принялся пить купленную водку, закусывая солёными огурцами из банки. Опустошив бутылку, он повалился на свой любимый диван и забылся пустым хмельным сном.

Вечером они ужинали, как всегда. Светка, конечно, удивилась внезапно-му пьянству Овечкина, но кудахтала не меньше обычного:

– Сегодня из школы директор звонила – Валерка испортил чего-то в компьютерном классе. Грозят теперь выставить нам счёт за поломку. Во оболтус! Дома его ещё нет – боится, гадёныш, на глаза показываться!

– Ну всё к одному, – мрачно отреагировал Овечкин, – меня с работы уволили, Света.

– Да ладно! – всполошилась жена, – и чё теперь делать?

– Ну чё, воевать пойти, может, на СВО? – неожиданно для себя ляпнул Овечкин.

Он тягостно замолчал, обдумывая нечаянно вырвавшиеся слова. В глубине души он надеялся, что жена срежет эту мысль на корню и даже не позволит её развить. Однако, она словно ухватила за спасательный круг и, к изумлению Овечкина, произнесла:

– Дак чё, Слава, может, и надо пойти. Там ведь деньги большие плотят.

– Два миллиона, – нехотя подтвердил Овечкин.

– Ого! Нам такие деньжищи и не снились! Мы бы ипотеку Ленкину закрыли и себе ремонт, может, сделали бы, – как-то подозрительно быстро воодушевилась она, – вон окна прогнили все.

Овечкин сморщился, в его голове словно били в набат. Ему показалось, что от очередного удара он провалился в глубокую яму, наполненную жирной грязью, которая ещё утром смачно чавкала у него под ногами.

– А у тебя ж вроде сестра двоюродная на Украине живёт? – пытался вылезти из засасывающей его всё больше трясины Овечкин.

– Живёт – ну и чё? Звонила тут она мне. Я ей: потерпите немного, скоро освободят вас. А она: мы и так хорошо жили, пока вы к нам не пришли. Ну, дура душой, что с неё возьмёшь?!

Светка округлила глаза и покрутила пальцем у виска. Не без удовольствия она принялась чихвостить сестру за несговорчивость и упрямство. Овечкин больше не слушал. Он угрюмо встал и вышел из-за стола.

На следующее утро Вячеслав Петрович Овечкин был добровольно зачислен в доблестные ряды российских вооружённых сил.

Вера Арболь

ТЫ ЗАПИСАЛСЯ?

Провожали наспех – просто ранним сырым утром человек пять из подъезда прошли с Овечкиным до военкомата. «Не по-людски как-то», – ворчал сосед Гаврилыч. Светка бестолково суетилась, дёргала мужа за рукав и глупо моргала. Овечкин дышал сивушным перегаром. Мужики молча жали руку, хлопали по плечу. И хоть им не верилось, что он уезжает на войну, в его воспалённые глаза никто не смотрел. Одна тётя Нюра взялась причитать, как над мертвецом, но доброволец Овечкин зыркнул на неё почти ненавидящим взглядом, и та замолчала.

С фронта Овечкин звонил жене редко, а когда звонил, то говорил односложно, без подробностей. Больше тараторила Светка, а он слушал, тяжело дыша в трубку и внезапно разъединялся.

Через полтора месяца Светке сообщили, что муж погиб при исполнении своего долга перед отечеством. Пал смертью храбрых где-то под Бахмутом. Ещё через месяц в чёрном полиэтиленовом мешке прибыл сам Овечкин.

Два миллиона рублей выплатить не успели. А Светке, как жене убитого героя, пообещали подарить новую «Ладу». Но та сглупила, брякнув, что водить машину в их семье некому. «Дура, продала бы», – фыркнул Гаврилыч. Зато Светку пригласили в администрацию города и торжественно вручили норковую шубу и почётную грамоту. От переполнявших её чувств она наговорила слова благодарности местным руководителям и президенту на камеру. Потом щеголяла в новой шубе два дня, пока к дому не подъехал чёрный автомобиль, и три человека в деловых костюмах не пришли к ней и не потребовали вернуть подарок. Светка растерялась и неохотно отдала требуемое. Ей любезно сказали, что с ней свяжутся и «компенсируют» за потерю кормильца.

На поминки в качестве помощи Светкин супермаркет выделил кое-какие продукты и спиртное. К гордости хозяйки, стол получился на славу. Пришедшие охотно угощались, молодецкато кряхтя после очередной стопки и споро закусывая. Светка тёрла сухие глаза и то и дело бегала на кухню справиться о следующем блюде. Кореш Овечкина, Серёга, пил одну рюмку за другой, и скоро его бездыханное тело выволокли на улицу освежиться. После одной из поминальных речей тётя Нюра посетовала вслух:

– И чё он в Украину эту поехал? Уж без наших мужиков разобрались бы там как-нибудь.

Светка с алыми щеками растерянно пролепетала:

– Дак как не поехать-то, сам президент просил...

Гаврилыч, откашливаясь, пробасил:

– Да-а-а, хороший мужик был Славка, правильный.

На этих словах дочь Овечкина Ленка вздёрнулась, лицо её исказилось в страдальческой гримасе. Она как-то по-бабски заломила руки и пронзительно взвизгнула: «Папка!» Потом уронила голову на стол и заревела навзрыд. Её брат Валерка сжал кулаки и пулей вылетел наружу – в холод и темноту. Дверь осталась открытой нараспашку.

Мощный порыв ветра влетел в зал кафе и поднял вихрь из салфеток, окурков, пластиковой одноразовой посуды и других лёгких предметов. Шторы взвились под потолок, как белые флаги. На длинном столе, как на поле брани, воцарились хаос и неразбериха. Ветер не переставал кружить над головами присутствующих, протяжным воем он словно вопрошал их: «Заче-е-е-м?» Они замерли в изумлении и ужасе. И через мгновение им показалось, что он эхом доносит голос Овечкина: «Зря-я-я-я, всё-ё-ё-ё зря-я-я-я...». Ветер выл и выл: «у-у –у-у-у-у», как будто уносил их в какую-то невозвратную бездну, и ни у кого из них не доставало сил, чтобы закрыть дверь и прекратить этот невидимый нескончаемый поток силы и превосходства.

УГЛЫ

Зима. Пухлые снежинки планируют на серый асфальт. Мне 12 лет. Плечу в школу с портфелем за спиной. В руках лыжи. Хочется спать, а потом, укрывшись одеялом и попивая лимонный чай, смотреть «В гостях у сказки». Но не тут то было: через полчаса, когда сумерки сменились серо-жёлтым утренним светом, я пытаюсь вставить черные ботинки в металлические крепления лыж. Снег перестал, зато поднялся холодный ветер. Руки и ноги окоченели, сопли в носу превратились в вязкую жижу. Вокруг трудятся розовощёкие одноклассники. Учительница, в пальто и кроссовках, подгоняет сонных детей. Напоминающая пузырь девочка в белой куртке никак не может попасть ботинком в крепление, неуклюже катится на одной лыже по льду и наконец падает. Мальчишки хохочут, подружки улыбаются в шарфы. Гавриловна (так зовут учительницу) берет упавшую девочку под мышки и выверенным движением вставляет ее ногу в лыжное крепление.

«Так, готово» – бормочет Гавриловна и, подняв руку кричит: – «На старт!» Команда Гавриловны действует как будильник. Наиболее активные начинают бороться за pole position – выгодное место на старте. Рвусь вперёд и я.

«Внимание.. Марш!!» – выдыхая пар, как паровоз, орёт Гавриловна. Волна детских тел подаётся вперёд. Ученики расталкивают друг друга, некоторые падают, как пингвины при сильном ветре. Чуть замешкавшись, я выхожу на лыжную седьмым. Передо мной – две девочки, юркий Сашка в коричневой шапке, длинноногий Хвост, Ленка-спортсменка и, наконец, широкоплечий Кабаныч.

Несмотря на неудачное начало, я уверен в победе, ведь по выходным мы с папой ездим кататься на Ленинские Горы. Трасса состоит из девяти кругов вокруг здания школы. На первом кругу я обогнал девочек, на втором – приземистого Сашку в коричневой ушанке. Хвост дал себя обойти на третьем, так как не особо любил лыжи и спорт в целом. С Ленкой-спортсменкой было сложнее – она тоже гоняла на Ленинских горах. К шестому кругу я все-же настиг ее, после того, как она споткнулась о горстку соли, которую школьный дворник Фролыч то ли по глупости, то ли благодаря присущему ему ехидству высыпал на лыжню.

Пройдя Ленку, я уперся в необъятных размеров спину Кабаныча. Серёга Кабанов регулярно делал зарядку и поднимал гантели, в следствие чего был прекрасно натренирован. Но он страдал одним недостатком – не умел правильно распределять силы. Поэтому, дождавшись, пока он выдохнется, я обошёл его на повороте восьмого круга.

Впереди – прерывающаяся пятнами асфальта лыжня. Развивая успех, я уверенно двигаюсь к финишу. Перед глазами – красная пятёрка в дневнике и лицо восхищённой Ани из параллельного класса.

Сладкие мечты прерваны звуками, напоминавшими клочкотание кофейной турки. Обернувшись, я чуть не упал от удивления. В паре метров от меня пыхтел Сашка! Он быстро перебирал короткими ножками. Его коричневая ушанка казалась огромной, по сравнению с тщедушным телом. Из-под шапки торчал покрытый сосульками нос. Я припустил вперёд и оторвавшись от Сашки, завернул за угол. До конца трассы оставалось пол круга. Я вновь увидел алую пятёрку, которая, переливаясь на солнце превратилась в ру-

**Даниил
Таль**

РОССИЯ - ФРАНЦИЯ

[СТРАНИЦА АВТОРА ►](#)

**Даниил
Таль****УГЛЫ**

мяное от мороза лицо Ани. К моему изумлению, насмешливая «Бэшка» не приветствовала меня аплодисментами. Вместо этого, она кричала – «Саша! Саша! Саша!» Очнувшись, я увидел перед собой проклятую коричневую ушанку, которая качалась из стороны в сторону, словно маятник. Догнать Сашку было невозможно. Раскинув руки, он пересёк финишную черту под одобрительные возгласы девочек из параллельного класса. Я пришёл вторым. Ленка-спортсменка – третьей.

Все призёры получили по «пятёрке», но мне хотелось плакать. Я подкатился к Сашке и толкнув его в плечо буркнул: «Ты зачем срезал?». Сашка взглянул на меня с низу вверх и пожав плечами сказал: «Да ладно тебе, пошли играть». Через несколько минут все было забыто. Хвост, Кабаныч, Сашка и я резались в фантики в раздевалке, а за окном девчонки из параллельного класса, проклиная мороз, вставляли ботинки в лыжные крепления под одобрительные возгласы Гавриловны.

С тех пор прошло 40 лет. Гавриловна, за неимением денег, перебралась в деревню. Дворник Фролыч вышел на пенсию, теперь соль на лыжную подсыпает его сын. Интеллигентный Хвост запил и пропал с радаров. Говорят, недавно сел. Ленка-спортсменка по-прежнему катается на Ленинских горах, теперь с дочерями. Кабаныч стал то ли чиновником, то ли бизнесменом. Мы с Аней из параллельного класса снова встретились, когда нам было по тридцать, влюбились, поженились и уехали за границу.

А что Сашка? Перед глазами – фотография. Бородатый мужчина в коричневой ушанке. Это он – такой же невысокий и задорный, каким был всегда. Рядом – рослый юноша лет двадцати. Сашкино лицо, только без бороды. Юноша в военной форме. Исполненный гордости Сашка смотрит на молодого солдата снизу вверх. На заднем плане – Красная Площадь. Светит солнце. Февраль 2022 года.

Фотографию хочется удалить, стереть из памяти компьютера, и из своей памяти тоже. К сожалению, человеческий мозг так не устроен – ничего не удалишь, по крайней мере, по желанию.

Сашка, что ты наделал! До тебя же первым в классе дошло, что можно «срезать угол» и победить! Я, маленький идиот, осуждал тебя. Теперь я понимаю, что, когда на трассе зияют асфальтовые дыры, коварный Фролыч сыплет лыжную соль, а беспощадная Гавриловна заставляет делать то, чего делать в принципе не нужно, нам не остаётся ничего другого, как «резать углы»!

Мы не герои, Сашка, мы не готовы идти напролом, садиться за правое дело в тюрьму или рисковать жизнью. Нам надо просто выжить, спасти своих детей и, если это возможно, остаться людьми.

Так почему же ты, предприимчивый анархист, не остановил сына, когда он решил пройти полные девять кругов? Отчего, став взрослыми, даже те, кто когда-то нарушал правила, готовы бежать строем по команде «марш!»?

Молодой солдат, присыпанный снегом, застрял на трассе где-то между первым и девятым кругом. Его тело – замороженный кусок мяса. За это наши с тобой души, Сашка, вряд ли найдут себе покой.

**Карина
Исакаева**
УКРАИНА

СТРАНИЦА АВТОРА ►

ЭССЕ И ИНТЕРВЬЮ

ВОЙНА И БЫТ

Война вошла в нашу жизнь в 2014 году. В Харьков хлынул поток беженцев, из Харькова – поток волонтеров с помощью.

А у Лили в Донецке мама и лежащая бабушка. Можно, конечно, и лежащую бабушку привезти, но бабушка очень привязана к собаке, трём котам и огороду. И без них – никуда, делайте что хотите.

А чего тут хотеть? Сборы были быстрыми, муж на переезд согласился, а морскую свинку никто не спрашивал. Собрались, переехали, стали жить дальше.

В подвале устроили для бабушки роскошное ложе, себе оборудовали стол с картами и играми. Главное, не зевать и успеть осколки с огорода убрать, пока бабушка не заметила. Осколки в огороде очень вредили бабушкиному здоровью.

– Как вы? – ору в телефон.

– Нормально! – орёт в ответ Лиля и рассказывает новости по степени важности: про собаку, трёх котов, маму, бабушку, работу, про осколки – с огорода убрали, а тот, что из крыши торчит, уберут, когда будут крышу чинить.

И то правда – всё нормально. Соседям половину крыши снесло, но сами – целы. Так что и у соседей нормально всё.

– Что за странный звук? – ору в трубку. Я тогдашняя еще не умею распознавать обстрелы по звукам. Потом научусь – донецкие и луганские друзья дадут практический мастер-класс. Голосом. Звукоподражанием. Как по звуку определять степень опасности. Сейчас все эти «пиу-пиу-пиу» и «бам-бам-баммм» умеет различать каждый ребенок. Каждый ребенок войны. Горите в аду те, кто вынудил детей этому учиться.

– Это цикады поют, – орёт Лилька.

Будь проклята война. Время, когда странный звук – это песня цикад, а обстрел – это привычный бытовой фон.

Военный быт. За почти два года Харьков наладил военный быт. Звучит ужасно. Харьковчане научились не просыпаться во время ночных тревог. Многие узнают о налётах из панических сообщений друзей и родственников – тех, что далеко.

– Какой налёт? Сплю я... И кот спит...

Прилёт в мой район, я жила там тридцать лет, ходила по этим улицам, мимо этих домов вот в этот офис... Тут живут мои друзья...

– Как вы??????

– Нормально! – голос спокойный, радостный.

У Иры в квартире повывлетали все окна и двери, балконной дверью накрыло девяностолетнюю маму. И всего пара царапин. Мама цела, Ира цела, сестра и её двое детей целы. Нормально всё. Новые окна и двери уже заказаны. Как удачно, что офис перешел в эти дни на удалёнку. Детей и маму отвели к друзьям с целыми окнами, а сами выгребают стекольную крошку. И это задача со звёздочкой. Стекло везде. В шкафах, в холодильнике и даже в морозилке.

Карина Исакаева

Две хрупкие женщины в четыре руки выгребают стекольную крошку из морозилки, торопятся, работу в удалённом офисе ведь никто не отменял. Бывалые делятся лайфхаками – как быстро очистить дом от осколков.

– Как вы?????

– Нормально! – голос спокойный, только слегка усталый. – Прилёт в жилой дом рядом с нашим офисом. Я там работаю, удаленно. А коллеги реально разгребают завалы, забивают фанерой окна, откапывают компьютеры. – Об этом я узнаю между делом. Мы продолжаем работать. Наши клиенты торопят, требуют расходники, и побыстрее. Их бомбят, они работают. Понимаем. На время я одна за весь офис. Импорт, таможня, логистика, отгрузки клиентам, тем, кто круглосуточно производит жизненно важные вещи и при любых обстоятельствах не забывает приходить на работу. Нету пока такого лайфхака – как удаленно работать на производстве.

– О! Нашли твоего дракона! – откопали плюшевого дракончика, он двадцать четыре года простоял рядом с моим монитором, ездил из офиса в офис. Радуются, как дети. Ну, теперь уж точно – нормально.

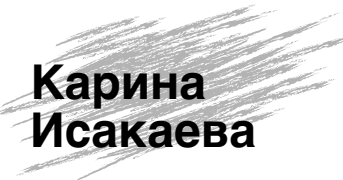
Организовываю отправку расходников без оплаты. Договариваемся, что оплатят, когда мы откопаем бухгалтерию. Работаем дальше. Коллеги пошли откапывать соседей. Я держусь. Я продержусь. Я хорошо научилась держаться за эти месяцы. У меня много лайфхаков.

Горите в аду те, кто вынудил пользоваться такими лайфхаками.

Горите в аду те, кто затеял эту войну.

А мы выстоим. И победим.

**Карина
Исакаева**

ХАРЬКОВ. НАЧАЛО ВОЙНЫ.

Какая ирония! Думаешь, что делаешь свою жизнь комфортной и уютной, но однажды утром оказывается, что на всех парах мчишься навстречу смертельной опасности.

Переезжаешь из шумного светлого центра в тихий безопасный пригород – и прямо под окнами твоего посёлка начинается война. До вражеской границы ближе, чем до центра города.

Вот тебе и тишина, и безопасность возжеленные.

Кот был сразу недоволен новым местом. Наверное, что-то знал. Или предчувствовал. Но у кота совета никто не спрашивал, да и кто прислушивается к мудрым советам.

Стол и плита напротив окна, чтобы готовить и любоваться видом. Тщательно продуманный уют, все ложечки, тарелочки под рукой. Теперь это – самое опасное место в квартире. Готовишь и думаешь: вот влетит сейчас в окно, и перемешает тебя с борщом. Но процесс не прерываешь – надеешься, что не влетит, а борщ не любит, когда от него отвлекаются. Борщу война пофиг. И ты тут же думаешь, что и тебе – пофиг. Сковорода раскаляется, а ты остываешь. Закон сохранения энергии кухни.

Шансов на спасение на нашем последнем этаже – вообще немного. И в квартире безопасных мест – кот наплакал. Часть коридора и ванная. Там кот и плачет обычно. В ванной как бы нельзя – осколками плитки покалечить может. Но кот про осколки не читал и во время налётов бежит в ванную. Так и сидим там вдвоём, подвываем от ужаса, слушаем взрывы. Оглушительный звук – значит далеко. Оглушительный и бьёт в солнечное сплетение – рядом. Мы теперь умеем определять по звуку, где бомбят.

Звонит Алиса... Приехала из Варшавы родителей навестить. В Купянск. В прошлый свой визит Алиса приехала не недельку, и грянул локдаун. Неделька растянулась на полгода. После Алиса ездила смело, самое страшное, что могло случиться – уже случилось. Так она думала. Смешная. Теперь сидит в подвале в Купянске, и мы с ней скулим дуэтом, и кот подвывает. Слава святому Коннектию, связь есть, можно скулить сквозь десятки километров.

– Мы не выберемся, – голос Алисы дрожит. – Мы не выберемся, мы останемся тут навсегда. Я самогона выпила. Всё равно – навсегда!

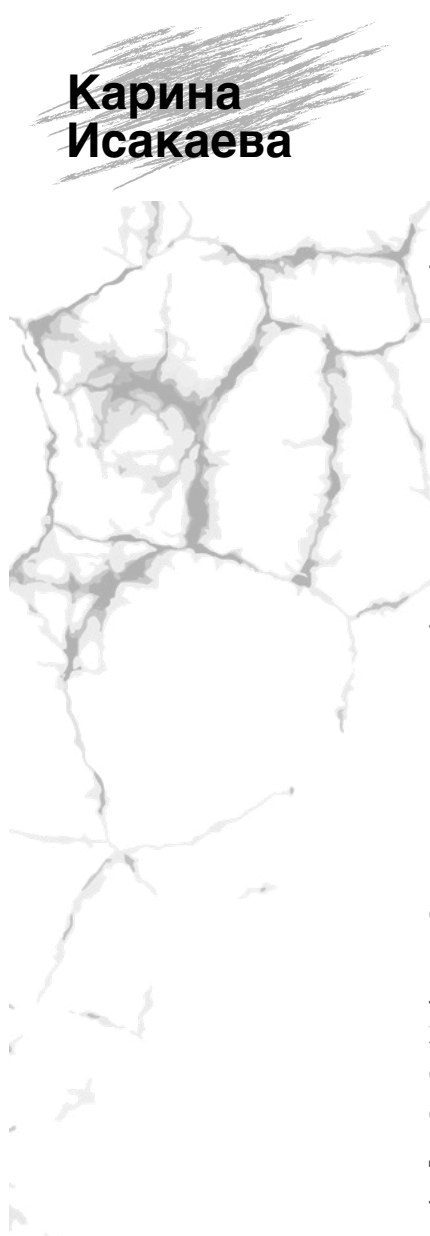
Плохо дело. Алисин самогон пугает меня больше взрывов. Она не пьёт. Совсем. Направляю всё мужество в голос:

– Жизнь налаживается – есть солёный огурец! Алиса меня не видит, но я иду к холодильнику, беру этот огурец. Кладу на крышку унитаза и продолжаю вещать. Описываю с натуры, чтоб Алисиному подвальному самогону не было так жутко и одиноко. Кот даже не удивился, он никогда не был высокого мнения о моих умственных способностях.

– Мы выберемся. И встретимся в Варшаве.

Мои слова звучат абсолютно фантастически – уцелеть в этом аду, выбраться в безопасное место, кажется нереальным. С такой же вероятностью можно планировать встречу на Марсе.

Карина Исакаева

Через полгода мы с Алисой встретимся. И именно в Варшаве. Я привезу с собой солёный огурец. Как договаривались.

Это будет вечность спустя, в следующей жизни. Мы будем сидеть на её варшавской кухне с видом на сады. Сад в атриуме, сады на крышах, боже мой, люди идут гулять в сад на крыше, более мирного занятия не придумать.

Но война нас настигнет прямо там. В тот самый момент. В Купянске в дом её родителей влетит ракета. И мы в ужасе будем звонить по всем телефонам, а связи не будет. Война несет много разных ужасов и страданий. Бессилие и неизвестность – её мерзкие метастазы. Но всё это будет потом. Мы пока не знаем об этом и просто воём с котом и Алисой.

Коту вскоре это надоедает, и он уединяется в ванне.

Ванна – островок безопасности кота, при первых звуках налёта кот уединяется там.

Пока не наступили перебои с водой. Я запасла воду в ванне. А кота не предупредила.

И вот – очередной налёт. Кот кинулся в ванну, я за котом, муж за нами.

– Стооой! – ору коту на бегу.

– С ума сошла, – думает на бегу кот, но он ведь и раньше был не слишком высокого мнения о моём уме, сходить особенно не с чего.

Опасность кот заметил уже в прыжке. Честно и тщетно пытался на лету сменить траекторию. Но успел только офигеть, так с этим выражением лица и погрузился в пучину. Теперь я знаю, что подводный офигевший кот способен на вертикальный взлёт. Войдя в нижние слои атмосферы ванной, кот превращается в электрон. Он сразу везде и нигде. На шкафах, под диваном, на диване, под столами, на столах, на стульях. Жидкости, которую вынес на себе электрон, вполне достаточно, чтобы изгваздать все видимые и труднодоступные места одной среднестатистической квартиры.

Я теперь умею сушить электрон, слегка. До идеала потом электрон сам себя доведет, языком. И не заметили, как налёт закончился, и за окном – блаженная тишина.

А кот со мной полдня не разговаривал. И как только догадался, что это была моя диверсия?

Но потомок льва – существо благородное: к ужину сменил гнев на милость. Да и пузо чесать кто-то должен.

И налётов бояться перестал. По крайней мере, перестал орать и в ванну нырять. А со временем даже просыпаться по таким досадным мелочам.

Самые мудрые люди – это коты.

21.01.2024

Карина
Исакаева

ТАКИЕ СТРАННЫЕ УКРАИНКИ

Так странно перенестись из раздираемого взрывами Харькова в это тихое сонное место. Сады, цветы, неспешность. Деревня среди полей. Названия улиц – как будто попала в сказку про Незнайку, и теперь живешь в Цветочном городе. Идешь по Азалиевой, сворачиваешь на Фиалковую, пересекаешь Гиацинтовую, Жасминовую, Ландышевую, Лавандовую и вот ты уже на Вересковой, отсюда и до Можжевеловой рукой подать. Улицы выглядят так, как называются, и среди этой тишины кажется, что нет никакой войны и не может быть. В самом деле, разве может быть война на Ландышевой? Ещё как может! Местные очень хорошо помнят ужасы оккупации и как деревня переходила из рук в руки, и как больше сотни лет страны и на карте не было, а граница между Германской и Российской империями проходила прямо по деревне. Одна деревня – две страны. И ни одна из них – не Польша.

Но и сейчас тишину нередко нарушает рокот самолётов – рядом с деревней расположена база НАТО. Гарант безопасности и внезапных звуков. Для местных это фоновые звуки, знак, что броня крепка и всё идёт по плану. Для нас это звуки войны, разрушений смерти. Пройдёт немало времени, прежде чем мы начнём привыкать к звукам. Воспоминания будут волочиться за нами всегда, оставляя кровавый след в душе.

Вот опять – внезапный вой сирены. Вздрагиваю.

– Вы, украинки, иногда такие странные, – говорит моя собеседница пани Иоланда, – ты вот вздрогнула, а некоторые вообще падают на землю и закрывают голову руками.

– И я бы падала, но в Харькове в этом смысла не было, у нас сирена выла, когда уже всё произошло. Слишком близко мы к границе, – поддерживаю светскую беседу на своём корявом польском.

– Война – это страшно, – вздыхает пани Иоланда.

– Да, – только и могу выдохнуть. Мне не хватает польских слов, чтобы высказать, насколько это страшно. Мне не хватает всех слов всех языков. Какое это изнуряющее, испепеляющее, уничтожающее чувство.

Как сначала радуешься, что выжила. А потом понимаешь, что не полностью. Часть души похоронена там, среди руин любимого города. Вроде живешь, работаешь, но не очень понимаешь – зачем. Наполняешь день под завязку, много работы, много учебы, новые языки, много разговоров с теми, кто там, но чувствуешь лишь бессилие и никчемность. А дыра в душе болит и кровоточит. Мы застряли в вечном феврале.

В этой деревне нас, странных украинок, несколько. Поддерживаем друг друга, вместе грустим, вместе учим польский.

– Хватит тухлить, – решительно говорит Инна. Решительности Инне не занимать, она под обстрелом вывезла сына, двух собак и беременную соседку. – Давайте мой день рождения отметим.

День рождения! А мы и забыли, что это такое. Вечный февраль – какое тут рождение?

Карина Исакаева

Уныло едем в город. За подарком. Я, дизайнер Надя и фотограф Сонечка. Паркуемся, плетемся в торговый центр. Входим. И – застываем на месте. Все торговые центры во всех странах выглядят похоже. И люди в них выглядят похоже – идут по своим делам за покупками. Лица сосредоточенные, будничные. И мы физически ощутили, что оставили свою войну там, за порогом. Впервые за все эти месяцы. Тут просто жизнь, будничная и такая невероятно счастливая, здесь нет войны. Какое это счастье. Мы идём и занимаемся самым мирным девичьим делом – ищем подарок. Мы даже не знаем, что любит Инна. Мы знаем, Инна любит свой покинутый дом. В Буче. Мы не можем вернуть ту жизнь ни ей, ни себе, и не сможем никогда. Но мы впервые не думаем об этом, мы ищем подарок. Подарок – он для радости, а мы забыли, что это, и сейчас пытаемся вернуть друг другу это чувство. Хоть на миг. Перетекаем из магазина в магазин, размышляем, что может порадовать Инну. Трудная задача, нас самих не радует ничего. Фальшиво блестят украшения, равнодушно искрится косметика, рыбьими взглядами пялятся манекены. Всё, что раньше привлекло бы, теперь уныло и ненужно. Но потихоньку игра «порадуй подружку» начинает нас затягивать. Ходим и представляем себе Инну вот в этих серёжках, вот в этом браслете, вот с этой сумочкой. Или вот с этой? Вот в этой шапочке? Уже начали хихикать. На третьем круге продавцы стали узнавать нас и хихикать вместе с нами. Да, эти украинки – они немного странные, но такие смешливые. Выкатываемся из магазина с шикарной коробкой и идём за красивым подарочным пакетом. Праздник – так уж праздник, переглянувшись, берем флажки, дудочки и колпачки.

Был тихий поздний вечер, все вечера в нашей деревне – тихие. Тихину нарушают только сирены и самолёты НАТО. Но сейчас соседи Инны, жители Цветочного переуллка, наблюдают странное зрелище. Эти странные украинки, хихикая, надевают колпачки, и вот уже по переулку, посвистывая и размахивая флажками, идут Зая, Панда и Котя. На пороге, уперев руки в боки, их встречает Инна с грозным вопросом: «А мне?!» Получив свой праздничный инвентарь, она отправляет нас на второй дубль. Ошавевшие от происходящего соседи глядят из-за занавесок, как на бис проходят по переулку хихикающие Котя, Зая и Панда. На пороге их ждёт хохочущая Жаба с флажком и свистком.

Нет, всё-таки права пани Иоланда. Мы, украинки, такие странные.

РАЗГОВОР НА ПАРОМЕ

Паром «Клайпеда – Киль»

Сентябрь 2022

Оставалось примерно полчаса до того, как наш паром Aura Seaways DFDS причалит в порту Килия. Мы первый раз добирались таким способом в Германию и очень волновались, не зная, куда и когда нам надо идти. На одной из верхних палуб вышли к лифту, где на площадке уже стояли несколько человек. Мой муж обратился к одному из них, по виду дальнбойщику, чтобы узнать, правильное ли это место для ожидания.

— Да, стойте здесь, потом объявят, когда спускаться. А вы откуда?

— Из Москвы, вот, первый раз, — сказал муж и чуть тише добавил, — и, может быть, последний...

— А чё так? Да ладно, вон солнце светит, чайки летают, — дальнбойщик явно был в романтическом настроении и не понял нашего пессимизма.

— Ну так, война ж идёт.

— А... И что война? Войны всегда были, есть и будут. Тебя как зовут? Ничего, что я на «ты»? Мы, вроде ровесники.

— Владимир. Вы считаете нормальным бомбить другую страну?

— А я Виктор. Я тебе сейчас объясню, — Виктор повернулся к нам и подошел чуть ближе. — Ты неправильно всё понимаешь. Война — это способ решения проблем. Есть проблема между двумя странами. Словами они не договорились. Восемь лет договаривались и вот не получилось. Ну вот. Значит, раз словами не получилось, надо искать другие способы, раз так не доходит. И не надо этих вот истерик.

Я почти задохнулась от возмущения:

— То есть вы считаете, что можно бомбить мирных людей? Убивать женщин, детей?!

— Можно, но не «женщин убивать», как вы говорите. Это работа такая. Вот послушайте. Я в прошлом военный. Рижское закончил. Так вот, чтобы туда поступить и там учиться, ты знаешь, сколько моя семья денег отдала? Да на эти деньги квартиру можно было купить! И что я, после этого могу отказаться от работы? Вот ты кто?

— Я врач.

— Вот, у тебя отличная профессия! Но ты же кучу лет корпел над книжками, в морги ходил не для того, чтобы потом сказать: я не хочу работать врачом. Вот и я так же. У военных это работа, все просто — есть приказ, есть цель.

Несмотря на то, что Виктор явно предпочитал беседовать с моим мужем, а не со мной, я решила воспользоваться наличием такого собеседника и уточнить давно мучивший меня вопрос:

— Вот скажите, если у вас есть приказ, преступный приказ, убивать людей, вы легко можете убить человека? Ребенка?

— Послушайте. Я же авиация. Там мы людей не видим. У нас цели — объекты. Приказ есть, цель есть и не обсуждается. — Виктор вздохнул. — Ну вот, если бы я видел человека перед собой, женщину там или ребенка, то нет... не смог бы, наверное, — и вдруг, сразу после задумчивости, наш собеседник оживился, — а я, кстати, мог попасть и туда, и туда, представляете? И в ВСУ — и сейчас бы за Украину сражался, и в российскую армию. Причем одинаково. После училища распределили под Харьков. Это ж одна страна тогда была. Потом под Подольск перевели. А потом мне надоело это всё, стало тухло как-то, денег мало платили, и я ушел. Тогда можно было. Уехал в Литву, у меня тут мать жила. В общем, уверяю вас, если бы остался в профессии, я бы одинаково хорошо делал свою работу и за Украину, и за Россию. А в политику я не лезу. Не разбираюсь в ней.

Объявление о том, что водители фур могут спуститься на нижнюю палубу к своим машинам, окончило наш разговор. Мы попрощались с Виктором, но остались со странным чувством чего-то неправильного в его рассуждениях. Вроде бы всё логично, но не хватает главного — понимания ценности человеческой жизни и осознания последствий. Ведь сколько таких Викторов в России нажимают сейчас на кнопки пуска ракет по Украине и думают, что это «работа такая».

Наталья Е-К

РОССИЯ

[СТРАНИЦА АВТОРА ►](#)

КУБАНЬ. ГОД 2023-й

Наталья Е-К

Авиасообщение с Краснодаром закрыли в первые дни войны, еще в марте 2022 года. Поэтому, когда в мае 2023 года мне понадобилось по делам посетить малую родину, я добиралась до станицы через Ставрополь. 180 километров по достаточно хорошей дороге на взятом в аренду у частника автомобиле. Я знаю, что по этой же дороге почти сто лет назад последним походом отступала до Черного моря Деникинская армия. Конечно, их дорога не была такой ровной и широкой, хоть местами и «шоссированная», как тогда говорили. А войско, состоящее, в основном, из казаков, потомков запорожцев и малороссов, тогда не нуждалось в рекламных плакатах, зазывающих участвовать в войне за деньги, – плакатов, которыми сегодня густо увешана автомагистраль. Огромные рекламные плакаты с воинами в касках, со спрятанными под балаклавами лицами, предлагающими «присоединиться к СВОим». Так банально обыгрывается аббревиатура СВО, которой государство заменило слово «война». Но от такой замены война не перестала быть войной.

В районном центре я остановилась в небольшой гостинице в центре города, которая по здешним меркам считается неплохой. Стекло на входной двери частично было закрыто приклеенным скотчем за четыре угла плакатом с большой буквой Z, выложенной георгиевской лентой. Пока администратор переписывала мой паспорт, я читала распечатанный на принтере с плохим картриджем листок, прикрепленный рядом с окошком ресепшн. Линялый листок содержал банковские реквизиты и предлагал «помочь нашим ребятам» – сдать деньги на разные военные нужды: закупку тепловизоров, бронежилетов, медикаментов, ремонт старого автомобиля-«буханки». Последняя строка листка ностальгически призывала: «Всё для фронта, всё для победы!»

– А, из Москвы! Прямо из самой! – администраторша открыла страницу с пропиской и не смогла сдержать эмоций.

– Из самой, – поддакнула я.

– По делам приехали или как?

– По делам, – я охотно поддержала разговор, потому что любой встречный может нечаянно рассказать много интересного и, часто, полезного. – У меня, вообще-то, не в городе дела, мне в станицу N-скую. Завтра поеду. Надо в администрацию зайти, потом в местную школу, к директору.

– А я сама из N-ской, и мать у меня там еще живёт. Ой, да им завтра всем не до вас будет! У них там мероприятие важное, – администратор поднялась со стула, оправляя платье, и перешла на многозначительный шепот: – Похороны погибшего. Сегодня привезли. Оттуда...

– Понятно. На СВО что ли погиб? – мне приходилось пользоваться лексикой, одобренной государством, чтобы ничем себя не выдать.

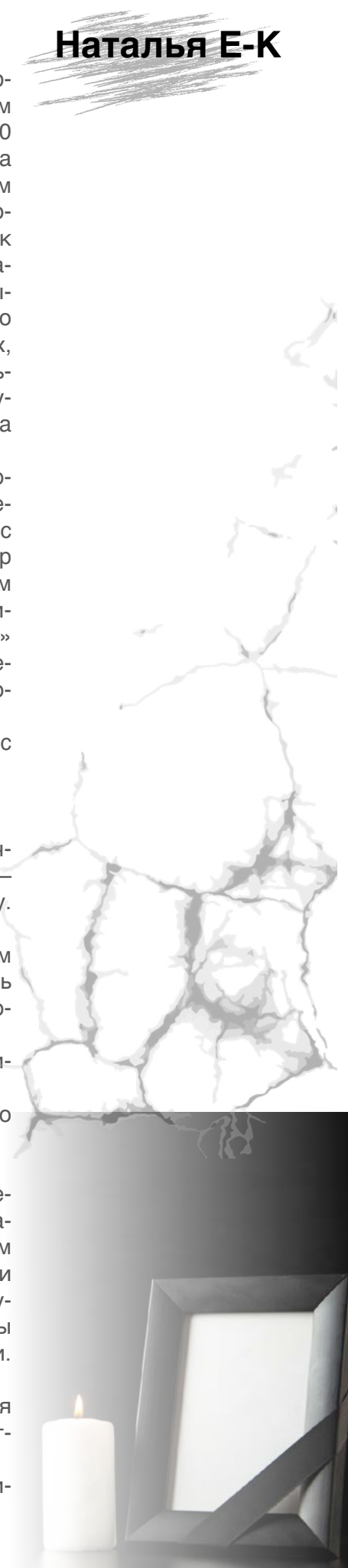
– Да. Говорят, молодой парень совсем. Даже жениться не успел. Жалко так.

– А часто хоронят?

– Ой, часто. Не, ну как. Не каждый день, конечно. Но уже вот в районе человек тридцать, наверное, похоронили, – про это гостиничная администратор говорила менее эмоционально. – Но мы тут стараемся помогать нашим ребятам. Сестра моя ходит в ДК, сети они там плетут. Сосед с мужиками старый автомобиль починили, отправили туда. А как же? Ребята там отдуваются, защищают нас, а мы тут сиднем сидеть будем! Мы тоже должны делать что-то. Наши бабки раньше в тылу тоже работали, фронту помогали. Ну, а мы сейчас.

Разговор принимал такой оборот, что еще чуть-чуть и, чего доброго, меня попытаются втянуть в «помощь нашим ребятам», поэтому я сказала: «Понятно», – взяла ключ от номера и пошла отдыхать.

Утром следующего дня я поехала в станицу N-скую, которая была ближайшей к райцентру, всего в двенадцати километрах.

Наталья Е-К**КУБАНЬ.****ГОД 2023-й**

Кубанские станицы большие. До революции здесь проживали восемнадцать тысяч жителей, но в советское время из-за высылки в начале 1930-х и голодомора население уполовинилось. А теперь остались около семи тысяч.

Администрация располагалась в бывшем здании сельсовета брежневской постройки. На двери уже знакомый плакат с последней буквой латинского алфавита. После моих слов «я из Москвы, мне к Ольге Ивановне», секретарша, не спросив, по какому делу, сразу же проводила меня в кабинет и быстро представила: «Ольга Ивановна, тут к вам из Москвы».

Ольга Ивановна, крупная женщина лет пятидесяти, встретила меня в элегантном трауре – темное синее платье и черного цвета жакет. Я представилась и объяснила цель приезда.

– Да-да, конечно, сейчас всё обсудим. Только времени у меня немного, сегодня вот похороны. Вчера парнишку оттуда привезли. Сейчас он в церкви на отпевании, а потом к двенадцати на кладбище мне надо быть, – глава станицы села в кресло и вздохнула. В затылок ей смотрел портрет Путина десятилетней давности.

– Это четвертый уже с нашей станицы.

Я попыталась в уме построить пропорцию и распространить её на всё население страны. Цифра оказалась большой и круглой.

– Но мы все делаем для семей. Вон портреты установили, – она рукой показала в сторону окна, выходящего на центральную площадь станицы, где рядом с монументом погибшим в ВОВ стоял огромный стенд, разделенный на три части. На триптихе были портреты погибших там. Ольга Ивановна продолжила: – На 9 мая там школьники в карауле стояли, цветы лежат.

– И четвертого туда повесите? – зачем-то я задала этот глупый вопрос, потому что мне показалось, что три портрета смотрелись, хоть и чудовищно, но органично, и четвертый туда бы не вписался.

– Да, конечно. Это же память. Близким это очень нужно. Мы еще дровами им помогаем. Дети из школы ходят, у них раз в месяц акция помощи семьям военнослужащих.

Через полчаса разговора, когда мы всё обсудили и я собралась уходить, Ольга Ивановна встала проводить меня до двери кабинета и заговорила о личном:

– У меня вот внук есть, ему девять лет. Так вы представляете, он очень любит военную форму! Я вообще заметила, сейчас дети почему-то очень любят всё военное. Раньше, конечно, были все эти танки, стрелялки, но не так. И я ему купила на день рождения военные штаны и гимнастерку. Он всё время их теперь надевает. Все майские так проходил. Будущий защитник!

– Но вы же не хотите, чтобы он погиб, когда вырастет?

– Нет, конечно. Да пока он вырастет, это все закончится, я надеюсь.

Логика главы станицы мне осталась непонятной. Попрошавшись, я пошла посмотреть портреты. Три человека в военной форме. От тридцати до сорока лет. У всех под фотографиями одинаковые подписи: «Погиб, выполняя задание. Верный боевой присяге».

Вечером того же дня меня пригласила в гости семья, которую я знала с детства. Сидели за столом, обсуждали родственников и знакомых, проблемы, безденежье и безработицу. И тут вспомнили похороненного сегодня станичника. Чуть выпивший глава семьи не подбирая слова:

– Да, я знаю Серёгу этого! Он там, у третьей бригаде жил. Я еще с его мамкой на базар ездил. Вот все теперь говорят – чё он на эту войну поехал? Так работы ж нет. А там «горы золотые» обещали. Хотел по-быстрому денжик срубить и не повезло. Да он всего месяц как уехал. И вот теперь у мамки ни денег, ни сына...

– Тёть Нюсю жалко так! – подхватила супруга. – У неё еще старший сын есть, но он уехал давно. В Геленджик, кажется, тут не живет. А Сергей с матерью жил, помогал ей с огородом, с дровами, чего привезти, починить. Он вообще был парень такой толковый, положительный. Как она теперь без него, даже не представляю.

Наталья Е-К

**КУБАНЬ.
ГОД 2023-й**

– А почему работы нет? Раньше ведь все работали где-то, – я решила выяснить мнение местных и по этой проблеме.

– Ну как почему нет. Раньше в основном в колхозе работали. Колхоз развалился, землю по фермерам растащили. Еще на сахарном в райцентре многие работали. Завод закрылся – всё, работы нет. Кто-то на аэродроме работал, ты застала еще? Помнишь, тут аэродром был?

– Да, конечно! Я помню, как мы летали сюда на каком-то «кукурузнике» из Краснодара.

– Ну вот, а теперь там бурьян по пояс растёт. Еще станция была железнодорожная, теперь там ничего не ездит, всех поувольняли. А чего ездить, если отправлять нечего? Здание вокзала стоит пустое, вот и всё. А Серёга, я знаю, что он на газосварщика колледж закончил. Раза два ездил шабашить вахтовиком в Сочи, но там тоже какой заработок. Два месяца работаешь – сто тысяч получаешь. А что такое сто тысяч? У нас машина дров на зиму двадцать пять стоит. Охранником еще устроиться можно, это вообще пятнадцать тысяч. Иногда кому огороды помогал вспахать, это пять, ну десять тысяч. А тут этот контракт. Там такие деньги обещают, мама дорогая! Двести тысяч в месяц! Но, недолго музыка играла... так-то. Обидно, что жениться даже не успел. Пацан прямо. Ну судьба, значит такая, – фаталистически заметил хозяин дома.

– Так у них же второй в семье погиб! До того Лёшку хоронили, Нюскиного брата двоюродного. Вон, фотографию на площади видела? А теперь вот сына. Получается, что Лёшка дядька Сергею. Вот так двое в одной семье на этой войне сгинули. А всего четверо по станице. У нас даже кладбище для них отдельное сделали, дорогу туда заасфальтировали, – добавила супруга.

– А, ну да. Четверо. Тех троих мобилизовали в двадцать втором, а этот, последний, на контракт подписался. Его отговаривали, а он такой: «снаряд два раза в одну воронку не падает». Видать, падает... У нас по району тогда несколько сот мобилизовали. И вот погибших уже много. Ты не видела, на дороге на райцентр стоит большой такой плакат с фотографиями погибших.

– Нет, не видела.

– Ну вот приглядишься, там перед въездом в город. Человек двадцать, наверное, или тридцать уже там.

– Ребят жалко. А что делать? Защищать-то надо страну. Кто-то должен ведь. Вон Украина с этим Зеленским спят и видят, как бы Крым отобрать. Я слушала передачу, там сказали, что Украины вообще-то никогда и не было. Украина – это окраина России, поэтому там русские люди. И Русь с Киева начиналась, – хозяйка уверенно говорила фразами из телевизора.

У меня не было никакого желания вступать в спор или что-то доказывать. Я видела перед собой потомков переселенных сюда в XIX веке малороссов с украинскими фамилиями, у которых в речи еще остались украинские слова, несмотря на десятилетия стараний государства сделать их русскими. И которые сейчас полностью поддерживали войну против родины их предков.

Через несколько дней, на обратном пути в аэропорт, я много думала о том, как произошла такая трансформация сознания людей и почему. Как свободлюбивое кубанское казачество с подлинно демократическими принципами управления, с большими богатыми семьями поколение за поколением превращалось в не имеющую работы и средств к существованию массу людей, готовых поддержать все, что скажут, и даже поехать убивать, по сути, своих родственников? Советское и затем российское государство десятилетие за десятилетием репрессиями, голодом, постоянным давлением превращало людей свободных в людей зависимых и податливых. Можно ли винить их в том, что они стали такими? Есть ли их вина в том, что сейчас происходит? Я со своим максимализмом скажу: да! Потому что каждый человек может и должен думать об истории, о событиях, о причинах и последствиях того, что он делает.

**Лилиана
Янхофер**
РОССИЯ - США

СТРАНИЦА АВТОРА ►

НИЧЬИ

Все настоящее должно быть обязательно из детства. Ведь, как ни крути, а детство всегда взаправдашнее, без оглядки и забот, они придут потом, а пока – дыши полной грудью, знай, это и есть настоящее. И смотришь на него большими глазами, и все кажется несоразмерно большим, таким, что едва умещается в круг, очерченный временем, и все, что вылезает за края, ускользает мигом в прошлое.

Моя первая любовь родом из детства. Нам было по шесть лет, двенадцать на двоих. Мы ели, пили, ходили в туалет вместе. Наши кровати стояли рядом, настолько близко, что между ними можно было пройти только боком. Мы засыпали, держась за руки, придвинувшись к краям коек, и от холодного металла на коже оставалась бороздка шириною в ремень. Приближение взрослого заставляло разнять руки, но можно было подглядывать через щелочки, прятаясь в ресницах. Они были у Ромки необыкновенные – длинные, пушистые, густые, и, если их разжать, карие, всегда веселые глаза звали играть в пятнашки!

Мы играли вместе пока, нас не раскидали по разным детдомам. Так бывает, когда нас много, а места не хватает. Несмотря на все одинаковое – одежду, прическу, болезни, – к десяти годам появлялись отличия, кто-то отставал по учебе, и его направляли в отдельную школу для умственно отсталых детей, туда же и отправляли и «беглецов», и совсем отпетых. Все боялись туда попасть, так как ждали худшего. Школа находилась в деревне с романтическим названием Подберезье, в двадцати километрах от города, и одно отдаление от центра вселяло страх для нас, живущих на краю города, куда через высокий забор иногда доносился звук другого мира.

Город перестал быть чужим довольно скоро, сразу после выпуска – это свойство быстро осваиваться и осваивать, характерное всем детдомовским. Нет, не абстрактное, вроде наук или ценностей, но предметное, то, что можно потрогать. Хозяйственное мыло сменил зубной порошок или даже мятная «Лесная» зубная паста, отдающая хвоей. Восковые карандаши заменили цветные, а то и фломастеры. Самым вожаком было мороженое «Эскиммо» в шоколадной глазури. Его можно было купить только в Питере, хорошо, что это всего в двух часах на поезде. Хотелось красок, вкуса и счастья!

И оно само ко мне пришло. Правда, половину жизни пришлось ждать. В свои двадцать с лишним Ромка стал частью меня. Нас хоть и раскидало когда-то, но он, на правах первого, нашел свой уголок во мне, возможно, в одной из ямочек на щеках, которые он так любил трогать. Об этом и многом другом мой старший брат знал из рассказов. Он нашел Ромку в новом торговом комплексе, работающим в музыкальном отделе. Диски, видеокассеты, магнитофоны и куча еще всего, блестящего и какого-то неоново-нереального. Я никогда не видела его одного, нас всегда окружали другие, и мне хотелось отщипнуть его от всех и всего, побыть с ним наедине, чтобы открыть какую-то страшную тайну, сама не знала какую.

Сейчас я знала наверняка, увижу – поцелую, по-настоящему, по-взрослому, маленькой я так не умела! Я узнала его сразу, несмотря на то, что стоял он за кассой как диджей за пультом, полностью погруженный в работу, и лишь изредка бросал взгляд в зал, чтобы не прерывать контакт с публикой. В отделе не было ни души, и только синие и красные огоньки на музыкальной аппаратуре бодро подпрыгивали в такт музыке: «Дети» Роберта Майлза во всех возможных и невозможных импровизациях служили звуковым фоном в девяностые на каждой вечеринке, что уж говорить про музыкальный магазин. Надо собраться с духом и подойти. Слишком долго рассматривала видеокассеты. «Три цвета» Кисловского, «Невыносимая легкость бытия» по Кундере, «Бешеные псы» Тарантино...

Лилиана Янхофер

НИЧЬИ

Все такое знакомое, близкое, но без Ромки. Не настоящее? Нет, это невыносимо, надо начинать не отсюда.

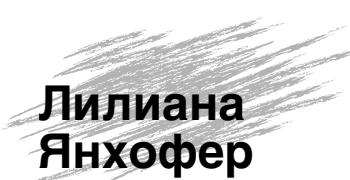
Поворот головы и встреча взглядов. — А ты не изменилась. Я тебя сразу узнал. — Его глаза блестели надеждой, как в детстве, когда я еще не понимала, чего он ждет, на что надеется, что знает. — Давай отойдем, тут есть кафе на втором этаже, посидим. — Табличка-записка «Скоро буду» уселась в привычную позу. — Как ты? Где ты? — Осторожно нащупывалась почва, хотелось дотянуться до него прежнего, забыть те полжизни, которые мы ходили раздельно, спали в разных спальнях. Ах, да, рассказать ему, что еду в Германию в семью — учить язык, поступать в университет. Он, наверное, удивится, все хотят поехать в Москву, ну, в конце концов, в Питер, но зачем же в Германию, ведь там же немцы?!

— А как ты? — перешла я в наступление.

— Хорошо. Я, как вышел, скоро нашел свою маму. Мы и сейчас живем вместе с ней, ее сожителем и собакой в однокомнатной квартире. Живем на мою зарплату. Ничего, перебиваемся.

Я была готова ко всему, но, только не к этому. Как же так, все годы интерната нам твердили «ты ничей» и тут — «маму нашел». Что-то не сходилось, прояснялось то, чего я не знала. «У вас нет родителей! Вы отбросы! Вы должны быть благодарны, что мы вас кормим и поим. Ваши мать и отец — государство! Карпов, шаг вперед!» Илья, бледнокожий, с веснушками, начинал сразу плакать в ожидании чего-то страшного. Когда его били, он быстро синел и был похож на воробья, застывшего на морозе. «Слабое сердце», — отмахивались воспитатели. Мы с ужасом ждали, когда он не сможет больше плакать и умрет. «Так вот, Карпов, твоя мать алкоголичка, тунеядка, лишена родительских прав, сидит в тюрьме, и тебе туда дорога. Все вы, выродки, повторите ваших родителей!» Ромка был следующим. «Ты, Малышев, с дома малюток на иждивении государства, и где твоя благодарность?» Ромка втягивал голову и хлюпал носом. Мы умели плакать по команде. «Вы никому, кроме государства, не нужны! И где же ваше спасибо?»

Когда очередь доходила до меня, я думала об одном: что угодно, только не трогайте маму. «А с тобой все непонятно. Да, твоя мама умерла от болезни. А как же папа? Где он? Почему не числится?» Дальше было как в тумане. Стыд непонятно за что, ведь у других пап тоже не было. А зачем он, если мама была? Я понимала лишь одно: мы ничьи и даже думать не смеем о другом. Эти линейки проходили регулярно, повторялось одно и то же — ты ничей и никому, кроме доброго государства, не нужен. Этот родитель был настолько абстрактен, что сил хватало лишь на вздох облегчения, когда церемония заканчивалась, но никак не на сопротивление. Удивляло одно — несмотря на ничейность, у нас были красивые, особенные имена: Рома Малышев, Тимур Кудрявцев, Илья Карпов, Валя Тарасова, меня тогда звали Лилей. Намного позже, когда я узнала, что у нас, детдомовских, тоже есть дни рождения и что мое полное имя Лилиана, стало понятно: нас обманули. Я, наверное, одна была с таким именем на весь огромный Советский Союз. Мама назвала меня так, чтобы хоть как-то выделить, когда ее не будет, на всякий случай, чтоб меня было легче найти в толпе, чтобы я не потерялась. И так было с каждым. Видимо, и их мамы перестраховывались, будучи лишены родительских прав, выделяли своего ребенка из массы, давая ему особенное имя.

Лилиана Янхофер

НИЧЬИ

Когда мы стояли в шеренге, лежали голые на холодном кафельном полу в туалете в наказание или под матрасом на железной койке лицом вниз долго-долго, и про нас забывали, я вспоминала, что когда-то была чьей-то. У меня много было домашнего, принесенного в казенный дом и сохранившегося еще долгие годы. За это меня любили старшие и ревновали ровесники. Это помогало сохраниться и вступаться за других. Я их жалела, ведь у них не было и той малости.

Новость о том, что Ромка все эти годы тайно вынашивал план найти маму, был сродни предательству. «Я сразу ее нашел, как только вышел». Он слегка, как в детстве, гнусавил. Я, похоже, не расслышала. Хотелось спросить, какая она, но я не смогла. Хотелось вцепиться в него и закричать: как посмел, нам же запретили! Было горько от того, что я так и осталась ничьей. Он завидовал мне, что я уезжаю в другой мир, о котором он имеет представление только по немецкой порнухе и военным фильмам. Я же понимала, что он скоро погибнет, что так долго не протянет, но поменялась бы с ним местами без оглядки. До поцелуя не дошло.

Прошло еще полжизни без Ромки. Брат рассказывал, что пару раз заходил, спрашивал про меня, потом исчез. Как и другие ничьи. Они просто растворились – кто в войнах, кто в вине. А на их место пришли другие. Сегодня в новостях, как-то нехотя, видимо, от бессилия, упомянули о детях, вырванных из их родных мест в Украине и «спасенных» российскими войсками. Сколько их, полторы тысячи? Никто не знает, не до них. А что, если у них тоже особенные имена и они тоже были чьи-то? А когда их построят в ряд, что им скажут про их родителей? Ведь за тунеядство больше не сажают.

15.01.2024

ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА

Недавно в Лос-Анджелесе на митинге в поддержку Навального я познакомился с Иваном. Там многие участники из РФ выступали с речами о нарастающем, как снежный ком, беспорядке в стране. Говорили о правовом беспределе, судьях-марионетках, засилье ФСБ, «защищающей поляну» от любой оппозиции. Некоторые даже не побоялись рассказать личные истории о протестных акциях, жёстком давлении властей на их родственников, детей, жён, братьев, об аресте собственности, банковских счетов, увольнении с работы и исключении из вузов. Все, конечно, были против агрессивной войны России с Украиной. Некоторые релоканты, как теперь принято называть иммигрантов и беженцев, громко, не боясь, что их скрутят, засунут в автозак и впаяют административку, с искренней надеждой говорили о России будущего. Все мечтали, что когда-то они смогут, может быть, вернуться на Родину, где остались их дом, родители, друзья и уютная дача за городом.

Иван был немногословен. Разведён, 30 лет, детей нет. Было видно, что он погружён в свои мысли. Мы разговорились, и я пригласил его на обед к нам домой. Он поведал о своём крайне увлекательном квесте по переезду в США. Эта история, пожалуй, очень похожа на тысячи, десятки тысяч историй про таких же молодых ребят, которые не хотят умирать под Бахмутом за «чьи-то иллюзорные цели». Это был глубокий, откровенный срез жизни обычного среднестатистического молодого жителя современной РФ. В какой-то момент этой исповеди мне, уехавшему почти в таком же возрасте в 1991 году, стало страшно и больно за новое «поколение игрек». Современная молодёжь опять разочаровалась в своей стране.

Если не ошибаюсь, с 1917 года это уже пятая волна эмиграции. Сейчас Россия занимает второе место в мире по количеству населения, покинувшего Родину. Это более 13 миллионов человек. Впереди только Индия с 17 миллионами, но там и население в 10 раз больше. Это именно те молодые люди, которые в любом обществе являются оплотом государства, благодаря которым развивается страна, а новые свежие мозги двигают экономику вперёд. В конце концов, они станут будущими отцами, приумножив процветание своей страны. Увы, это возможно, но только не в России. Там другие перспективы, «страна встаёт с колен» и «всё идёт по плану».

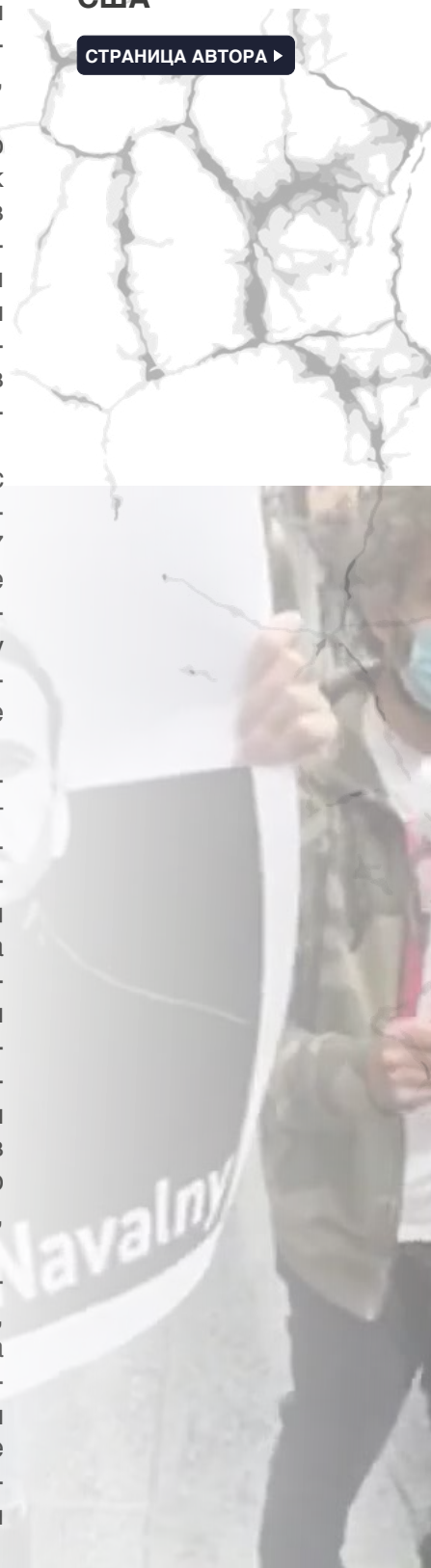
Иван родился в небольшом алтайском городке Бийске, где закончил среднюю школу. Его отец погиб на шахте, где из-за экономии средств на ремонт и профилактику были нарушены все нормы угледобычи. Мать работала учителем на мизерную зарплату. Обычная российская семья. Высшее образование он получил в томском Университете. Призвали в армию. Сначала служил на ракетном катере на Дальнем Востоке. Потом был переведён в Крым на военно-морскую базу на должность старшего матроса. Там его очень сильно удивила полная разруха, бардак, некомпетентность. И это была армия ядерной державы, не какое-нибудь ЖЭУ или агрокомплекс. Армия державы, настойчиво пугающей мир «красной кнопкой». За редким исключением, большинство руководителей штаба были невежды, пытающиеся найти любую возможность что-то украсть из казны и использовать труд матросов как бесплатную рабочую силу для своих личных нужд. Ничего нового, ничего неожиданного. А Крым тогда ещё был украинским, и ничто не предвещало, что через пару лет его быстро аннексируют всего за пару недель.

Демобилизовавшись, Иван переехал в Омск, где начал работать инспектором в таможенной службе. Работа была монотонная, но, беря взятки, можно было быстро разбогатеть. Иван не пошёл по этому пути. Хотя схема была очень простой. Корруптированное руководство, пытаясь получить левый доход, наезжало на различные бизнес-структуры, предлагая за взятки уменьшить сборы за растаможку товаров и закрыть дело. А к тем, кто не соглашался, с внезапной проверкой приходили сотрудники из Следственного комитета и Налоговой службы, грозя закрытием бизнеса и уголовным преследованием.

**Арнольд
Коптев**
США

[СТРАНИЦА АВТОРА ►](#)

Все силовые структуры, как обычно, работали в плотной связке, где местный царёк из ФСБ и наместник из Генпрокуратуры были первыми скрипками беспредела. Тогда честные бизнесы (насколько это возможно в современной России) начинали судиться с государством за необоснованность претензий и отмену космических штрафов. Ивана начали регулярно таскать на многочисленные судебные заседания в качестве свидетеля. В итоге он уволился.

Пошёл учиться на айтишника. Быстро нашёл работу. Свободный график, хорошая зарплата, человеческое отношение – всё разительно отличалось от госслужбы. Женился. Казалось, жизнь налаживается. Он начал строить планы по покупке квартиры в ипотеку. Политикой особо не интересовался, но уже в конце 2010-х понимал, куда катится страна. Надеялся, что всё изменится к лучшему, и экономико-политические проблемы рассосутся сами собой. Первый звоночек прозвенел, когда сверху протолкнули пенсионную реформу и продлили на пять лет возраст выхода на пенсию для его матери. Затем отравление Навального, его арест в Шереметьево в 2019 году. Потом обнуление сроков президента, за что сердечное спасибо Терешковой (зачем же «чайка» вернулась из полёта?). Дальше – больше: посадки несогласных на реальные сроки; выжимание из страны любой оппозиции; создание институтов «иноагентов, террористов, экстремистов, нежелательных»; ежедневный нарратив о кровожадных англосаксах; пугание агрессивным НАТО, желающим поработить русский народ; закрытие независимых СМИ; поиск шпионов, предателей и изменников родины; поощрение доноительства; извечный вопрос про то, «где вы были 8 лет». Наконец, нападение на Украину.

24 февраля Иван понял, что он на распутье. Слухи о скорой мобилизации не давали спокойно заснуть. Он предложил жене сначала уехать в безвизовую страну, переждать. Они тянули время. Но 21 сентября, когда мобилизация всё-таки началась, семья тем же вечером купила билет на автобус и попыталась выехать в Казахстан. Увы, автобус развернули на границе. Через знакомых они нашли машину с казахскими номерами, оплатили поездку шофёру и смогли попасть в Павлодар, ближайший город на границе с РФ.

Там Иван смог некоторое время работать удалённо на свою компанию. Они сняли квартиру. Начали просчитывать риски и планировать, что делать дальше. Но чуть позже Росфинмониторинг всё же запретил компании Ивана работать удалённо, и босс попросил его уволиться. Жена, его любимая жена, отказалась остаться с ним и вернулась обратно в Томск. Она не представляла свою жизнь за границей, где надо было учить новый язык и начинать всё сначала. А ещё её держали престарелые больные родители, о которых было некому заботиться. И вообще, она считала, что «не всё так однозначно»... Пришлось оформить развод.

Оставался последний вариант – попробовать уехать к брату матери, который 20 лет жил в США, в Малибу. Иван сначала доехал до Астаны. Купил авиабилет в мексиканский курорт Канкун транзитом через Франкфурт. Но по непонятной причине авиакомпания «Люфтганза» отказалась зарегистрировать его на рейс из Казахстана. В полиции аэропорта, куда он обратился, смогли разрешить этот конфликт. К удивлению, полиция встала на его сторону и потребовала перевозчика посадить Ивана на борт. Во Франкфурте на пересадке в транзитной зоне немецкие пограничники долго проверяли документы, но всё же разрешили вылететь в Канкун. Оттуда дядя купил ему билет в Тихуану, мексиканский город на самой границе с Калифорнией. Так как поток иммигрантов из РФ был ещё небольшим, Ивану удалось быстро пройти границу. Оформлением его статуса беженца занималась американская «благотворительная организация», которая «всего» за 3000 долларов выступила его спонсором. На тот момент у них даже была своя отдельная линия для перехода пешеходной границы США. Американские пограничники завели его в зал досмотра, сняли отпечатки пальцев, выдали форму с печатью-датой о легальном пересечении границы и приняли заявление на политическое убежище.

После всех формальностей Ивана отправили в detention facility, что-то типа временной тюрьмы. Там ему выдали йоговские матрасики для сна, тонкие одеяльца и даже кормили три раза в день. Это был современный Вавилон,

**Арнольд
Коптев**

**ВОЛШЕБНАЯ
ПАЛОЧКА**

беженцы со всего мира: Латинская Америка, Африка, Азия, Россия, Беларусь, Армения. Они жили по 10-15 человек в одном помещении. Ему ещё повезло – всего через неделю Ивана выпустили под поручительство дяди. Тогда правила это разрешали. Хотя я лично знаю случаи, когда беженцы сидели в этом заведении до полугода в ожидании процессуального решения. А на нелегально пересекающих границу даже надевали кандалы, наручники и высылали в другую тюрьму в Техас. Вроде и не преступники, но законы США порой непонятны, а порой лишены всякой логики... Позже пограничники отвезли Ивана в отель «Мариотт» в Сан-Диего, сделали прививку от ковида и через пару дней передали родственникам. Впереди ждёт иммиграционный суд, который определит, есть ли угроза его жизни в России. Такова сегодня процедура получения политического убежища.

Вот как неожиданно повернулась его жизнь. Где Бийск, а где Малибу? Другой язык, традиции, законы, цены, климат, уклад жизни. Теперь он в поисках работы в АйТи и только начинает адаптироваться в США. Как-то я спросил его, если бы у меня была волшебная палочка для исполнения одного желания, чтобы он предпочёл сделать? Ответил, что хотел бы аннулировать развод и забрать свою жену в Калифорнию.

Декабрь 2023. Калифорния, США

БЕЛЫЙ РОЯЛЬ

Вчера в мою комнату на седьмом этаже харьковского отеля «Палас» попала крылатая ракета Х-101. Она разрушила целое крыло красивой современной гостиницы, возведённой в 2012 году в стиле конструктивизма, с использованием натурального камня, с голубыми стеклянными окнами на фасаде. Огонь охватил этажи с третьего по восьмой.

Ракета была выпущена по Харькову героем России, командиром эскадрильи одного из стратегических бомбардировщиков гвардейского авиаполка военно-космических сил России, которые взлетели с авиабазы города с символическим названием Энгельс (что бы Фридрих сказал сегодня по поводу ассоциаций с его именем?). Это, кстати, одна из крупнейших авиабаз мира с более чем 40 серийными бомбардировщиками-ракетоносцами. Зависнув над Каспийским морем, самолет Ту-95МСМ «Козельск» (да-да, именно так) послал свои смертоносные ракеты на Харьков.

Всего в этот день, 29 декабря, из России по Украине было выпущено 122 ракеты, это рекорд за всю войну. Кстати, Украина в январе 2000 года передала России 11 таких самолетов и почти 600 крылатых ракет Х-55. Это было сделано в счёт погашения долга за природный газ на сумму в 285 млн дол. Кто бы знал, что через 24 года эти ракеты будут использованы в кровавой войне. Замечу, то было очень дальновидное решение Москвы.

В Харькове есть погибшие и пострадавшие. Я сейчас, к счастью, не там. Но вижу по фото, что мой номер на седьмом этаже полностью разрушен. Международный конгресс 2017 года, в котором я участвовал как спикер и на котором проводил мастер-классы, проходил именно в этом пятизвездочном отеле. Он был специально построен для проведения игр Чемпионата Европы по футболу 2012 года.

И белый рояль, стоявший в огромном атриумном фойе на первом этаже, мой белый рояль, на котором тогда, шесть лет назад, мне разрешили помузицировать пять минут, был тоже погребён под обломками.

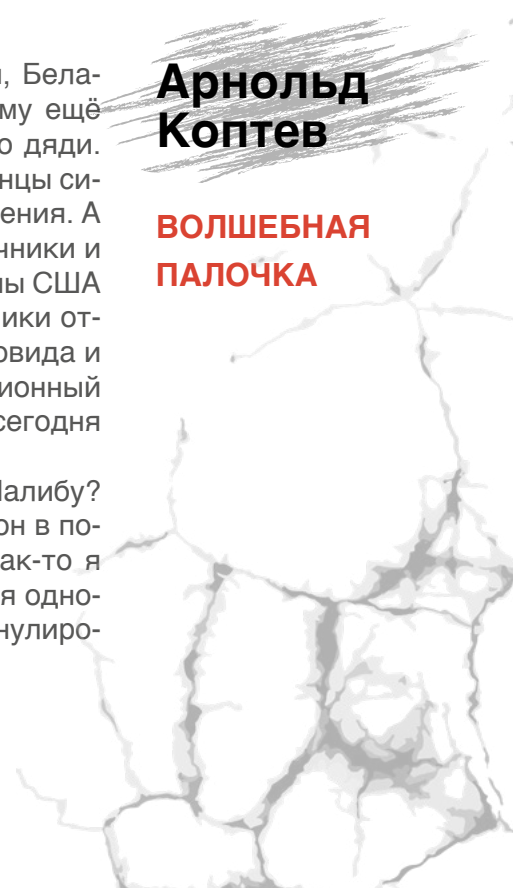
Загадаю-ка я новогоднее желание: пусть этот год Дракона принесет нам всем только радостные вести (1952-2024).

P.S. Все мои друзья, живущие в России, прочитав этот рассказ, удалили его со своих телефонов. Так, на всякий случай...С Новым Годом!

Сан Диего, США. 1 января 2024 года

**Арнольд
Коптев**

**ВОЛШЕБНАЯ
ПАЛОЧКА**

**Яков
Наерман**

США

СТРАНИЦА АВТОРА ►

ПЕСНИ ПАДАЮЩИХ СТЕН

В последнее время прежде, чем что-либо опубликовать, написать или даже сказать жизнерадостное или просто безучастно-нейтральное, всё чаще бьёшь себя по рукам и задаёшься вопросом: а время ли об этом говорить? Сейчас, когда идут бои в Газе и в Украине, когда ещё не закончился траур по истерзанным жертвам резни седьмого октября, а десятки заложников томятся в подземельях, миллионы украинских беженцев разбросаны по всему свету, вправе ли мы предаваться развлечениям?

Я эти вопросы уже задавал своей маме, много лет назад. Она выжила в Холокост. Когда началась война, ей было четырнадцать. Бежала несколько месяцев из Украины на восток от наступающих на пятки немцев, пешком. Иногда до линии фронта было всего пара километров. Отголоски артиллерии стали тогда для неё привычным фоном. Но самыми жуткими, как она рассказывала, были недели, когда их везли в товарном поезде, который медленно продвигался к Волге и дальше, в Среднюю Азию. Подолгу стояли, иногда днями. Никто не знал, когда поезд поедет дальше, и отходить от вагона было нельзя... В вагоне было восемь семей, человек сорок, которые спали, справляли нужду, любили, рожали, болели и умирали в постылых пятидесяти четырёх квадратных метрах старой теплушки. Днём было нестерпимо жарко, ночью стены покрывались инеем. Питались в основном жмыхом, который собирали на брошенных полях. Отвар из гнилой картошки был лакомством...

Как-то я её спросил:

- А что вы там делали всё это время?
- Старики молились. А мы пересказывали некогда прочитанные книги и рассказы. А ещё пели. А на остановках даже танцевали.
- Пели!?! Танцевали?!?
- Да, мы много пели. Любимые песни - украинские, еврейские, русские. А когда не помнили слов, придумывали новые.
- Но люди поют и танцуют, когда им хорошо, а не когда им плохо!
- Ты совсем не прав! Американские блюз и спиричуэлс родились на хлопковых полях. (Моя мама работала учительницей английского языка и литературы и руководила хором английской и американской песни, так что это был её конёк.) Само слово «блюз» происходит от английского выражения blue devils (синие бесы), которое использовалось в американской разговорной речи для обозначения грусти, угнетения или меланхолии. Хочешь, я тебе расскажу древнюю притчу?

Я обожал мамины рассказы и уселся поудобней.

- Жил когда-то жестокий и жадный хан. Захваченный им город регулярно платил дань, но хану было мало, и он послал своего военачальника с отрядом конников собрать дополнительную подать. Военачальник вернулся ни с чем:

- Старейшины города на колени утверждают, что всё, что у них было, они уже отдали.

- Поди и начни бить старейшин розгами. Уверяю, они найдут, что дать...

Хан оказался прав. Но прошло время, и он вновь послал войско за данью. И опять возвращается его воевода с пустыми руками:

- Они рвут на себе волосы и плачут, причитая, что совсем ничего нет.

- Поди и казни каждого десятого. Уверяю, не много голов придётся рубить...

И опять хан оказался прав. Но вот отправляет он военачальника в этот же город в третий раз.

**Яков
Наерман**

**ПЕСНИ
ПАДАЮЩИХ СТЕН**

Возвращается тот в растерянности:

- Странно встретили меня жители, о, повелитель: они поют и танцуют, а на моё требование дать дополнительный оброк смеются мне в лицо.

- Оставь их! - велел хан, - у них больше ничего не осталось.

Если люди поют, танцуют и смеются - им уже нечего терять.

Вот и нам в теплушке терять было нечего, и пение было тем единственным проявлением жизни, что позволяло выжить.

Пару недель назад, 20 ноября, я был на открытии Off-Broadway спектакля-представления Amid Falling Walls («Среди Падающих Стен»), поставленном по книге-компиляции Шмерке Качергинского «Песни Гетто и Концлагерей» (Songs of the Gettos and Camps).

Мы бы, конечно, не полетели в Нью-Йорк на этот спектакль из Сан-Диего, если б наша дочка Яэль не была в составе труппы. Во время репетиций она несколько раз звонила мне и просила пересказать бабушкины воспоминания. Как-то попросила прислать сохранившиеся фотографии. Во время спектакля на стенах зала высвечивались фотографии, иллюстрирующие песни и стихи, звучавшие со сцены. И каково было моё изумление, когда на одной из фото я узнал маму! Многие мелодии были смутно знакомы, наверное, я их слышал в детстве. Представление было на идиш, языке гетто и концлагерей. Но над сценой высвечивался перевод на английский и русский. Не помню, чтобы какой-либо спектакль произвёл на меня такое сильное впечатление.

А когда зазвучала завершающая песня-гимн, которым заканчивались все постановки театра Варшавского Гетто (там был свой театр!) «Мир Лейбн Эй-бик» (We Live Forever), я, как и большинство зрителей, плакал... Привожу линк на запись песни, близкой к исходному звучанию в Варшавском Гетто и мой вольный перевод на русский:

Жизнь наша вечна, хоть мир в огне,

Жизнь наша вечна назло войне.

И если мы пока упрямо не мертвы,

Враг не увидит преклонённой головы.

И пусть вокруг нас одно зверьё,

Жизнь наша вечна, и мы поём.

И хоть живыми быть подчас нам тяжело,

Мы будем вечно жить всем напастям назло...

**Яков
Наерман**

ПОКАЯНИЕ МАТЕРИ

«А туда, где молча Мать стояла, так никто взглянуть и не посмел...» — А. Ахматова

«Одни я в мире подсмотрел святые, искренние слёзы — то слезы бедных матерей!» — Н. Некрасов

Недавно я познакомился с Людой, женщиной лет пятидесяти из Николаева, которая работает бэбиситером трёхлетнего малыша у моих друзей. Несколько раз, уезжая, мы оставляли у них нашу собаку Лили, которая практически весь день проводила с Людой. У них установилась такая взаимная привязанность, что я иногда даже ревновал.

Приехала Люда в Штаты по туристической визе на полгода, подработать няней, ещё во времена Януковича, в 2013-м. Семейный магазинчик в Николаеве вылетел в трубу, работу она найти не смогла, а на ней были старенькие родители и восемнадцатилетний сын, который только что поступил в университет. За шесть месяцев Люда заработала в Калифорнии больше, чем могла бы дома за три года, погасила висевшие долги за магазин и решила попробовать остаться подольше. С помощью ушлого юриста она на фоне Евромайдана смогла получить статус беженки, а через пять лет — гражданство. Работала она по полтора-два года, доводила ребёнка до яслей, а потом, перед тем, как приступить к работе в новой семье, уезжала на несколько месяцев домой. Купила там дом в кредит, там сейчас живут сын с женой и родители. Она потом говорила:

— Как хорошо, что мои переехали: в нашу старую пятиэтажку попал снаряд, так она вся развалилась. А когда возле дома разорвалась бомба, только стёкла вылетели, да черепица слетела. А дом стоит крепко.

Люда — миловидная ладненькая брюнетка, и пару раз её пытались познакомиться с потенциальными женихами. Она наотрез отказывалась:

— Я тут оставаться не намерена. Выплачу ипотеку, поднакоплю на старость и уеду домой. Все мои и всё моё — там. Бог даст, там и замуж выйду. А чтоб не очень скучно было, так есть тут у меня один мужичок «без обязательств».

Начало войны сразило Люду как insult, и до марта 2022 года, когда закончилась осада Николаева, она была полуневменяемой. Постоянно плакала, пыталась отказываться от оплаты за работу:

— Я понимаю, что вам сейчас не на кого оставить малыша, так я буду приходить, как обещала. Но няня я сейчас — никакая, а работу такие деньги не платят.

После начала войны она в Украину не ездила, но звонила в Николаев практически каждый день. И не только своим.

И когда услышала, что собираются средства для поддержки Украины, предложила помочь.

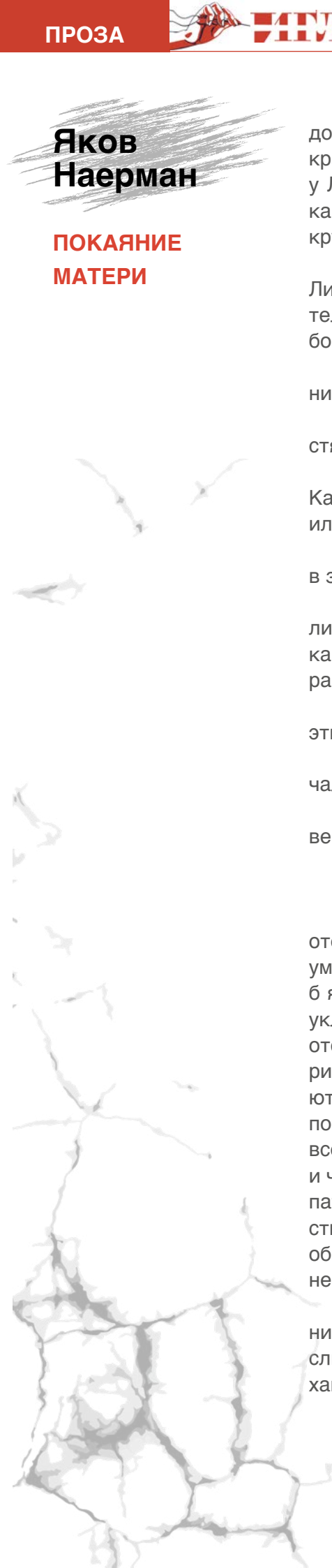
— Вы хотите послать армии или людям?

— Наверное, простым людям; армии наше правительство помогает из наших-же налогов...

— Сколько думаете собрать?

— Несколько тысяч долларов.

— Тогда закупите на всё женские прокладки и тампоны, у них там сейчас с этим — голяк. Только не тяните: скоро будет оказия через Польшу.

**Яков
Наерман****ПОКАЯНИЕ
МАТЕРИ**

Люда была в курсе всех мельчайших подробностей военных действий, радовалась каждой победе ВСУ и переживала каждое отступление... Судя по кратким перехваченным репликам и пересказам моих друзей, информации у Люды из Украины было очень много. О многом хотелось её спросить, но как-то не доводилось спокойно поговорить: когда я к ним заходил, она либо крутилась с ребёнком, либо уже торопилась домой.

Как-то после очередных нескольких дней, которые Люда опекала нашу Лили, я предложил ей деньги. Люда отказалась («за радость с такой замечательной собакой я сама готова приплатить»), но обратилась ко мне с просьбой:

– Вы могли бы помочь с покупкой телефона и часов для сына? Я в этом ничего не понимаю, да и языка не хватает.

Я с готовностью пообещал, что возьму её в электронный магазин, и, спустя пару дней, мы поехали в Best Buy.

В машине начал задавать вопросы общей вежливости: «Как родители? Как сын? Что делают? И т.п.» А потом спросил: «У сына что-то со здоровьем или какая другая броня от армии?»

Люда как-то осела и тихо ответила: «Эту тему я не обсуждаю. Она у меня в запрете». И замолчала.

После проведённых в магазине полутора часов, Люда минут десять изливала мне свои слова благодарности. Потом заметила: «Вы на продавца как-то магически подействовали: сперва он был сух и неприветлив, а потом растаял и стал ну таким вежливым и доброжелательным!»

– Моей тут, Люда, заслуги нет: когда вы отходили, я сказал, что покупки эти – сыну в воюющую Украину. Вот его отношение и изменилось...

«Правда?» – спросила Люда. Потом отвернулась и всю дорогу домой молчала.

Когда мы подъехали к дому и должны были выходить из машины, она повернулась ко мне и взяла за рукав:

– Яша, подождите минутку. Я должна вам кое в чём признаться.

Потом помолчала ещё несколько минут, и проговорила:

– Мой сын – уклонист. Он живёт в подвале нашего дома. Весной 2022-го отец сломал бедро, а у невестки случился поздний выкидыш. Я была дома и умолила Колю пару месяцев с армией переждать и не высовываться. Иначе б я не смогла уехать. Ну, а потом уже ввели законы военного времени... за уклонение от призыва на мобилизацию дают срок от 3 до 5 лет. Так он там и отсиживается, в подвале. Порывался выйти и заявиться. Но мы его отговорили. Он там работает. У них – маленькая логистическая компания: занимаются организацией какой-то складской деятельности, включая оформление посылок. Жена с родителями живут наверху. А я, патриотка херова, кричу на всех углах за Украину, а сама содержу уклониста, самсунговские телефоны и часы вон ему покупаю. Но материнского во мне, видимо, куда больше, чем патриотического. Он у меня один и живой. А многих его друзей уже нет. Чувствовала, что сказать вам я это должна была. А теперь всё. Давайте больше об этом не упоминать. Я, как об этом думать начинаю, стыдно так, что жить неохота. А надо!

Больше мы с Людой о её сыне не говорили. И я поймал себя на том, что ни капли осуждения к ней не испытываю. Скорее наоборот. Особенно, когда слышу о z-патриотках, скандирующих «мы ещё нарожаем» или о матерях хамасовцев, празднующих гибель своих детей во славу джихада.

Яков
Наерман

ДВА ПОЧТИ ИДЕАЛЬНЫХ ПОЧТИ ИНТЕРВЬЮ

«Секрет успеха в том, чтобы быть готовым воспользоваться удобным случаем, когда он придет».

Бенджамин Дизраэли

«Не нужно путать интервью с исповедью».

А. Б. Пугачева

Часть 1. Мечтать не вредно (вместо вступления).

Помимо разрывов снарядов и бомб на украинской земле, эта война произвела огромный информационный взрыв. Совершенно безразличные к политике обыватели стали вдруг судорожно читать, смотреть и слушать новости, подписываться на каналы и читать комментарии. Одним из результатов этой информационной лихорадки стала вопиющая поляризация русскоговорящего населения. Мы не можем объяснить это противостояние лишь идеологическим оболваниванием и жесткой цензурой российской пропаганды: многие из моих друзей в Москве и Петербурге живут «под колпаком СС» - Стыда и Страха. С другой стороны, я знаю людей здесь, в Америке, которые пытаются как-то оправдать действия путинской России и осуждают западную помощь Украине.

Нас всех мучает вопрос: что будет потом? Есть ли надежда на примирение, прощение, раскаяние и очищение? Или пессимистическое четверостишие, написанное мной под влиянием очередного омрачающего разговора о войне в Украине – вещь?

*«Пройдут года, десятилетия, забудут люди гром орудий,
И те, кто нам придёт на смену всё обнародуют, осудят,
Но новый встанет Чичибабин и прокричит в бессильной жути:
“Как тут нам быть, когда внутри нас не умер Путин?”*

Я понимал, что в идеологически направленных СМИ ответов не будет, и их надо искать в непосредственных высказываниях людей с обеих сторон водораздела. Я стал судорожно рыться среди самых разнообразных интервью, доступных в интернете, слушать разговоры известных журналистов с экспертами и знаменитостями, читать сообщения с Z-каналов, перехваченные телефонные разговоры и много другой шелухи. Самым интересным были опросы случайных людей с улицы. Однако я хорошо понимал, что склонить жителей РФ к откровенным высказываниям становится все более опасно и трудно. Спустя какое-то время я почти отчаялся найти желаемые публикации. Дополнительной проблемой было отсутствие доверия к журналистам; практически все они так или иначе проталкивают свои идеи.

Но совсем отключиться от этой темы не давала подтачивающая мозг бактерия писательства. И вот в голове начало самопроизвольно формироваться воображаемое идеальное интервью, которое проводил бы журналист, которому, в общем-то, доверяю: я сам.

Точнее, два интервью: одно с кем-то из пропутинской России, а другое – с жителем Украины. Я даже придумал для этого сдвоенного интервью название: «Почти Идеальные Почти Интервью». И мысленно к нему готовился,

**Яков
Наерман**

**ДВА ПОЧТИ
ИДЕАЛЬНЫХ
ПОЧТИ ИНТЕРВЬЮ**

задавая разнообразные вопросы и представляя возможные ответы («Сам с собою продолжаю оживленный разговор»). Когда не было информации для ответов, обращался к Google, а в последнее время к ChatGPT.

Помимо самих вопросов-ответов мне надо было продумать, КАК разговаривать с «инопланетянами». Да, я знаю, что мозги у них глубоко промыты. Но при этом понимаю, что у «них» не меньше оснований считать меня оболваненным зомби с не менее промытыми мозгами (правда, в другой стиральной машине). В итоге, в результате проб и ошибок, я выработал три простых правила:

1. Давать высказаться, не перебивая, при этом стараться услышать и понять оппонента, прежде чем думать о том, как лучше возразить ему.
2. Использовать только факты или источники информации, которым собеседник верит. Лучше всего использовать те, которые он сам только что приводил. В крайнем случае, можно ссылаться на свой собственный опыт.
3. Сталкиваясь с искренней верой в гипотезы, которые нельзя легко опровергнуть, не позволять себе выражать неуважение и непочтительность к ним, какой бы «ахинеей» эти убеждения мне не казались.

Я понимал, что просто трачу время, и что мои «интервью» — из области «так не бывает», но ничего не мог с собой поделать. И при этом где-то глубоко между ушами тихим перезвоном несбывшейся надежды слышались слова незабвенного Воланда: «Не бывает, говорите? Это верно! Но мы попробуем».

Часть 2. Москвичка Таня.

Последние несколько дней апрельской поездки в Израиле я жил у своего дяди в Иерусалиме. В пятницу вечером, за день до моего отъезда, к ним на ночь приехала гостья, Татьяна из Москвы. Она ехала к своей подруге на север страны, но, прилетев в Иерусалим накануне субботы, застряла: в Израиле по субботам общественный транспорт не работает. Мой двоюродный брат, который привёз её из аэропорта, отвёл меня в сторону и предупредил: «Я знаю, как активно ты настроен против Путина. Так вот, я тебя предупреждаю: эта Татьяна — пропутинская. Постарайся потерпеть несколько часов и не выгонять её на улицу».

Я, напротив, загорелся (спасибо, Воландик!) — живая, образованная и, вдобавок, симпатичная пропутинская россиянка, «осужденная» быть со мной под одной крышей почти целый день!

Мы познакомились. Таня — художник-декоратор, создаёт украшения на одежде: кружева, вышивку, бисер. Ей лет 40, очень стройная, кавказского типа брюнетка. Образцы её творчества я увидел сразу: на ней был расшитый красно-золотыми узорами джинсовый костюм. Смотрелась она в нём очень естественно, не вычурно, но нарядно.

Дабы сразу не спугнуть, я начал с нейтральной, но наверняка интересной моей собеседнице темы: попросил рассказать о её творчестве и, если возможно, что-то показать. Она с энтузиазмом открыла компьютер, и я был искренен в своём восхищении фотографиями разукрашенных рубашек, разноцветных бордюров на джинсах и тонким бисером на дамских сумочках. Спросил, пыталась ли она продавать свои изделия в США. Она ответила, что пока что ограничивалась СНГ и Израилем. В ответ на моё предложение показать её продукты знакомым в Америке, сказала, что с удовольствием пришлёт ссылки, но что придётся подождать, пока не закончатся санкции. Потом я ответил на её вопросы об эмигрантской жизни в Калифорнии. Рассказал несколько забавных историй и пару «чисто американских» анекдотов. Таня искренне смеялась. Доверительные отношения были установлены. Можно было переходить к теме моего интервью.

**Яков
Наерман****ДВА ПОЧТИ
ИДЕАЛЬНЫХ
ПОЧТИ ИНТЕРВЬЮ**

Татьяна оказалась интеллигентным, образованным представителем «моего круга». Никакой злобы к «украи» не было, скорее наоборот: жалость и сочувствие как к жертвам Запада. Вначале я чувствовал некую скованность и напряжение. Как я и подозревал, и как Татьяна потом призналась, зная, что большинство встречаемых за границей соотечественников настроены агрессивно антипутински, она предпочитает с незнакомыми на эти темы не разговаривать: врать и кривить душой не хочет, а неминуемые конфликты делают нормальное общение невозможным.

Спустя некоторое время, когда Таня увидела, что я ничего не пытаюсь осмеять и не обвиняю её в чём-либо, она оживленно стала рассказывать о жизни современной «патриотической Москвы». Моё «Почти Интервью с Таней» изложено в Части 5.

Часть 3. Киевлянка Марина.

Как сказал Ромен Роллан: «Беда не приходит одна, но и удача тоже». На следующий день я улетал домой в Лос-Анжелес. Летел через Варшаву на польской авиакомпании «Лот». Рядом со мной в самолёте сидела девушка лет 30. Высокая, худенькая, с короткой, почти мальчишковой причёской. Никакой косметики, лишь маленькие золотые колечки-серёжки в ушах и явно купленная в Израиле серебряная хамса на шее. Я обратился к ней со своим, увы, ставшим привычным извинением:

- Я могу кашлять, но вы не беспокойтесь: это не заразно, я кашляю уже лет 10.
- Спасибо за предупреждение. А что с вами? - с явным славянским акцентом ответила на английском моя попутчица.
- Начальная эмфизема, если только это вам о чём-то говорит.
- Конечно! Я - врач-радиолог и с эмфиземами сталкиваюсь постоянно.

Я был голоден, достал тёткин пирог и фрукты и, естественно, не мог не предложить своей соседке. Она поблагодарила и не без колебания взяла кусок пирога и мандарин. Акцент у неё был явно русский: 30 лет общения с иммигрантами в США научили меня почти безошибочно его угадывать. Но формального повода переходить на русский пока не было. Я представился, сказав, что возвращаюсь домой в Сан-Диего и спросил, откуда она и куда летит. Она сказала, что зовут её Марина и что в составе группы из нескольких других врачей проходила стажировку по работе на новом израильском оборудовании в Хайфе, а сейчас возвращается домой в Киев; (я весь напрягся – потенциальная «жертва» моего второго «так не бывает» интервью сама шла в руки).

- Так Вы говорите по-русски?!

- Да, свободно. Русский - мой первый язык. Ещё раз спасибо за угощение – на прекрасном русском, без мягкого «г», ответила Марина, достала телефон и позой и выражением показала мне, что продолжать общение не настроена.

Но меня это совсем не устраивало: упустить такую уникальную возможность заполучить вторую часть моего проекта без боя я не собирался. Надо было срочно найти какой-то ключик. И меня осенило:

- Извините, у меня к Вам небольшая и слегка странная просьба. Я немного сочиняю и недавно написал маленький стишок на украинскую тему. Услышать мнение «живой» киевлянки в Калифорнии – нереально. А мне очень интересно. Можно показать?

Она с любопытством согласилась. Я открыл на телефоне свою «Мимозу» с фоткой и протянул Марине:

*Год пролетел. Опять весна. И календарь опять не врёт.
И вновь на улицах мимоза везде бесхитростно цветёт.
Но цвет её крикливо-желтый на васильковой синеве
Не о цветах к 8 марта напоминает тихо мне,
А вновь о жёлто-синих флагах над маревом огня и дыма
О том, что эти перемены в сознании необратимы...*

**Яков
Наерман**

**ДВА ПОЧТИ
ИДЕАЛЬНЫХ
ПОЧТИ ИНТЕРВЬЮ**

Она прочитала несколько раз. Вернула мне телефон со словами:

- Спасибо большое! Мне понравилось. Сталкиваться с таким отношением границей – редкая и неожиданная радость. Оценить качество поэзии не берусь, но по содержанию и настроению попали в десятку. - в голосе уже не было сухости. - А вы профессионально пишете?

- Да нет, что вы! Я – инженер. Сочинительство – хобби пенсионера. Недавно вот брал курсы Дмитрия Быкова по тому, как писать стихи. Слышали о таком?

- Да, конечно! Он ведь сейчас тоже в Америке? Курсы были лично или онлайн?

- По интернету. Но потом мне довелось познакомиться с ним лично во время его визита в Сан-Диего. - И я показал фотографию вместе с семьей Быкова на нашем дворике.

- Жены я никогда не видела, а сына он иногда показывает на YouTube. Я все его открытые уроки смотрела несколько раз. И сейчас стараюсь не пропускать. Вы его ещё увидите? - поинтересовалась она.

- Надеюсь. Он обещал, что, когда будет в Сан-Диего, объявится.

- Передайте большой поклон. Скажите, что у нас почти не осталось русскоязычных кумиров. Дмитрий Быков - один из них!

После этого недоверие и скованность словно рукой снялись, и мы провели ещё более часа в доверительной беседе «с места событий». (см. часть 6)

Часть 4. Четыре Дисклеймера

Прежде чем перейти к изложению моих «почти идеальных почти интервью», я хочу предупредить возможные недопонимания и нарекания:

1. Поскольку я не получал разрешения у своих собеседниц на публикацию наших бесед, я изменил их имена, описания внешности и кое-какую конкретику;

2. Во время этой поездки у меня было ещё несколько коротких встреч и разговоров с пропутинскими россиянами (Израиль - одна из немногих западных стран, куда они всё ещё могут приезжать). Некоторые из них поделились интересными фактами и комментариями, которые мне было бы жаль потерять. Я не стал выделять их в отдельные интервью, а просто добавил в разговор с Татьяной;

3. Мои разговоры как с Татьяной, так и с Мариной, естественно, не проходили в форме формальных интервью. Однако, я не буду здесь перегружать свой и без того уже раздутый текст ненужными деталями и обе беседы будут изложены в формате «вопрос-ответ»;

4. На законно-занудные вопросы «как могу доказать, что написанное здесь - правда?» и попытки подловить на каких-то несоответствиях, могу только ответить, что искренне прошу простить за возможные ошибки. Я не имел никакой цели исказить информацию: эти «почти интервью» были написаны в основном для себя... И ещё, перефразируя известные слова Воюда, «если вам легче считать, что что-то из написанного здесь - враньё, то считайте!»

**Яков
Наерман****ДВА ПОЧТИ
ИДЕАЛЬНЫХ
ПОЧТИ ИНТЕРВЬЮ****Часть 5. Почти интервью с Татьяной**

- Сильно ли изменилась жизнь в Москве с февраля 2022?
- Нет, почти не изменилась. Люди ходят в рестораны и на концерты. Вовсю покупают мои изделия; даже больше, чем раньше индивидуальных заказов. Люди в большинстве своём стараются быть подальше от политики.
- Чувствуется ли война?
- В Москве не очень. Санкции не оказывают почти никакого влияния. Наоборот - подтолкнули к новым связям и каналам. Как новые клетки в организме вырастают, чтобы компенсировать омертвевшие. Вместо односторонней ориентации на Запад, развиваем рынки Китая и Индии. Я готовлю выставку в Шанхае. Как выяснилось, мы явно недооценивали ещё одного соседа - Иран. А это древнейшая цивилизация с очень развитыми наукой и экономикой, которые западные санкции, кстати, тоже сильно подтолкнули. Открылся африканский рынок.
- Ну а как насчёт жертв?
- Жертв у нас очень мало. Это не то, что в Украине; там, как показывают по телевидению, действительно бесконечные кладбища убитых. А в России - ничего не видно. Почти никто не пострадал.
- Какие сейчас в Москве настроения? Как относятся к войне?
- Очень разные. Да, в творческой среде, где я работаю, я - в меньшинстве. Но они, мои коллеги, в основном живут на эмоциях и на узконаправленных СМИ, которые они по привычке продолжают слушать или смотреть с Запада. Они не делают над собой усилий покопаться поглубже и лучше понять, что происходит. Ну, например, сейчас они тихо возмущаются, что в школах по утрам поднимают национальный флаг и играют гимн. А что в этом плохого? В Америке это делается уже сотни лет и всё нормально.
- Уезжают многие?
- Моя ближайшая подруга уехала в Израиль. И это была её огромная ошибка. Она по глупости приняла участие в каких-то дурацких антивоенных письмах и в каком-то антивоенном ралли. Ну и понятно, ей пришлось уезжать. Вся её творческая карьера, а она - музыкант, закончилась. А возвращаться она боится. Вот я и заехала её навестить, утешить и кое-что из личных вещей привезти.
- Таня, вы сказали, что приехали навестить подругу, которой «пришлось бежать в Израиль за «участие в каких-то дурацких антивоенных письмах и в каком-то антивоенном ралли». Так? Но «если всё так хорошо, то почему всё так плохо?» Если всё правильно и правда на стороне правительства, а всё, что говорит Запад – фейк и враньё, то почему Ваша подруга должна была бежать? И почему Вы говорите об этом со словами «по глупости»? Что, иметь и высказывать несоответствующее официальному мнению – глупость? Зачем зажимать свободы? Изымать книги из библиотек? Объявлять тысячи деятелей «иностранными агентами»?
- Идёт война, - неуверенно сказала Таня. - А во время войны – законы военного времени.
- Погодите, но у вас официально война не объявлена, нет никакого военного положения, а все это по-прежнему упорно называется СВО.
- Не надо цепляться за названия. Все прекрасно понимают, что это – полномасштабная война. С мобилизацией. И в других странах во время войны тоже вводилась военная цензура, включая США. Я, кстати, не слышала, чтобы в американской прессе кто-нибудь сейчас позволил себе ОТКРЫТО занимать пророссийские позиции.
- Извините, Таня, вы не всё знаете. Америку во время полномасштабной Вьетнамской войны всю трясло от антивоенных выступлений и демонстраций. То же было во время Иракской или Афганской войн.

**Яков
Наерман****ДВА ПОЧТИ
ИДЕАЛЬНЫХ
ПОЧТИ ИНТЕРВЬЮ**

У нас есть целая фракция в Конгрессе, которая открыто поддерживает палестинцев против Израиля. Есть небольшое количество американских деятелей и политиков, оправдывающих войну России на Украине. К ним, например, относится Тулси Габбард, бывший представитель США с Гавайских островов. Она говорит, что вторжение России в Украину «не было неспровоцированным» и что Соединенные Штаты несут определенную ответственность за конфликт. Или, например, Глен Гринвальд, известный журналист, который заявил, что Соединенные Штаты являются «агрессором» в конфликте на Украине, а Россия просто защищает свои интересы. С ними большинство не согласно, но при этом никто не сажает их в тюрьму, им предоставляют один из самых популярных в стране новостных каналов Фокс-ньюз, а Тулси Габбард сейчас баллотируется на пост президента от независимых. В России же всех инакомыслящих либо просто убивают, как Маркелова в 2009 и Немцова в 2015, или сажают в тюрьму, как Навального, Яшина или Кара-Мурзу.

- Я не знаю, зачем это делают. Дураков везде много.
- Но ведь законы об ужесточении цензуры подписывает сам Путин!

Мне лично наиболее правдоподобным объяснением такой информационной диктатуры является попытка лишить основное население доступа к другим независимым источникам информации. Основная инкриминированная вина Кара-Мурзы в том, что он компилировал открытые интернетные данные о российских потерях из ИНОСТРАННЫХ источников и вывешивал их на русском языке. За это его обвиняют в «измене родине» и дают 25 лет! Люди не хотят идти в армию; Раньше, когда ЧВК набирала в Африку и Сирию - отбоя не было. А сейчас денег дают куда больше, а приходится по тюрьмам набирать... Но контракты никто не хочет подписывать... Бегут в Казахстан, Грузию, Турцию, Израиль... Почему? Может они знают лучше нас с вами о реальных жертвах? У меня есть знакомые в Питере. Они, как и вы, поддерживают своё правительство. Патриоты. Их мотто – фраза Сергея Бодрова из фильма «Брат»: «Во время войны нельзя говорить плохо о своих. Никогда. Даже если они неправы». Но своего 27-летнего сына Илью они отправили в Бельгию, где он очень неплохо устроился программистом. И на мой вопрос, почему он не воюет за правое дело, они отвечают: «Во-первых, и это главное, он сам не хочет. Он – взрослый человек, и его убеждения отличаются от наших. А во-вторых, одно дело не осуждать своё правительство во время войны, а совсем другое – рисковать жизнью своего ребёнка».

- Я их понимаю. Моему Женьке только 9, но я не знаю, как бы я себя вела, если бы ему было ближе к 18. В том же фильме Бодров потом говорит: «после войны разберёмся, обсудим и исправим ошибки». Но если в результате таких ошибок твоего сына убьют или оставят калекой – это уже не исправить.

- А почему в этом году отменили марши «Бессмертного Полка»?
- А я не знала, что отменили. Откуда Вы знаете, из CNN? BBC? Ну и почему?

- Во-первых, я немного смотрю и слушаю новости напрямую из России: ТАСС и РИА НОВОСТИ. Доступ к которым, кстати, никто не ограничивает. Об отмене маршей я слышал, кажется, из РИА. А почему – непонятно. Раньше было из-за коронавируса. Теперь говорят об опасностях терактов. Разные гипотезы и догадки. Одна из них: люди будут нести портреты павших в Украине, а их гораздо больше, чем хотелось бы. И почему, если жертв нет, данные о них так сильно засекречены?

- Я не знаю...
- Таня, а как вы считаете, в чём причина войны?
- Мы живём в мире геополитики. Конфликт готовился давно. Из Украины пытались сделать анти-Россию, как когда-то сделали анти-Индию из

**Яков
Наерман**

**ДВА ПОЧТИ
ИДЕАЛЬНЫХ
ПОЧТИ ИНТЕРВЬЮ**

Пакистана. «Разделяй - и властвуй» - основной принцип Запада. Вы ведь не будете отрицать, что НАТО спровоцировало Россию, что Запад нарушил своё главное обещание – не расширяться на восток.

- А как вы думаете, что Западу нужно от России?
- Сделать Россию своим вассалом. Расчленив бывший СССР, свести друг с другом и сосать порознь...

- Я, конечно же, не могу авторитетно говорить об американской внешней политике. Но прожив в стране более 30 лет, могу поделиться своими личными наблюдениями. При этом могу говорить лишь о том, что знаю сам и никоим образом не претендую на объективность. Считается, что американская политика в большой степени формируется интересами большого бизнеса. Думаю, что, во всяком случае, для внешней политики, это справедливо. Двадцать восемь лет я проработал на фирме Caterpillar, типичнейшем представителе такого «большого бизнеса». Caterpillar - одна из 30 компаний, составляющих индекс Доу Джонса, имеет своих лоббистов в Вашингтоне и получает около 60% своего оборота из-за границы. Последние 12 лет: с 2004 до 2018, до самого выхода на пенсию, я был непосредственно вовлечен в проекты, связанные с Россией и странами СНГ. Так вот, могу авторитетно сказать, что обострение отношений с Россией для американского бизнеса крайне нежелательно, а уж какие-либо военные действия - просто «серпом по яйцам». Ему, этому бизнесу, прежде всего нужна стабильность. Чтобы можно было вкладывать бабки в долгосрочные проекты и не трястись от страха потерять всё в результате санкций или заварушек. Чтобы экономика стран СНГ росла, потому что это будет означать новые заказы. Главной задачей американцев при этом будет обеспечить конкурентоспособность своих товаров и услуг по сравнению с европейскими, японскими, китайскими и, в том числе, российскими. Главным потенциальным противником Америки сегодня является Китай, и для противостояния Китаю нам нужна сильная Россия. А все эти вопли об окружениях, агрессиях и каких-то нападениях воспринимаются из Штатов абсолютно бредовыми и абсурдными.

- Зачем же им сильная Россия? Идеальная для Запада Россия – расчлененная на маленькие враждующие княжества - сырьевые придатки, отдающая свои природные богатства задешево и покупающая всякие игрушки втридорога.

- Да нет же! Повторюсь: американский рынок больше всего «хочет» стабильности; именно стабильность обеспечивает долгосрочные инвестиции, хорошие рабочие места и... голоса на выборах. Caterpillar инвестировал сотни миллионов долларов в российские офисы, склады, оборудование, подготовку местных специалистов и т.п. Мы рассчитывали на долгие годы сотрудничества и на крепкий российский рынок. Сейчас все эти вложения пропали... А понятия «отдавать задешево» и «продавать втридорога» - увы, в прошлом. Продавая свою турбину или генератор, мы должны были выдержать совершенно свирепую конкуренцию таких фирм, как Siemens или GE. И цены на сырье сегодня устанавливаются во всем мире рыночно, и любое отклонение будет известно. Исключением является, пожалуй, сегодняшняя демпинговая продажа российской нефти и газа Китаю и Индии. Но Запад на этом ничего не зарабатывает, а только теряет.

- Запад, в частности Америка, хочет прибрать к рукам нашу нефть. Поэтому-то они окружают нас своим НАТО.

- Про нефть и газ я кое-что знаю: лет 30 работал в области газо- и нефтеперекачивающего оборудования. Вы знаете, у какой страны самые большие запасы нефти?

- У России конечно!
- А вот и не угадали!
- У Саудовской Аравии?

**Яков
Наерман****ДВА ПОЧТИ
ИДЕАЛЬНЫХ
ПОЧТИ ИНТЕРВЬЮ**

• Саудовская Аравия - на втором месте. У них 17% разведанных запасов. Россия с 6% на шестом месте. А на первом месте с 17.5% - Венесуэла! Которая находится под боком. От Майами - 2 часа лёта. Я там был лет 10 назад. Мы туда поставляли компрессорные и генераторные станции. А сейчас из-за санкций на правительство Мадуря нефть оттуда практически не поступает. Всё наше оборудование заморожено. Вам не кажется, что было бы куда легче, ближе и дешевле «прибрать к рукам» нефть маленькой Венесуэлы, у которой ни армии, ни тем более ядерного оружия нет и в помине!

• Не знаю... Ну и почему этого не делают?

• А зачем? Когда можно спокойно покупать на Ближнем Востоке или в Индонезии? Покупать по искусственно заниженным ценам рынок не позволит. Да и со всеми этими солнечными панелями, ветряными электрогенераторами и водородными двигателями роль углеводородов быстро падает. И ещё: на введение американских войск в чужую страну после Ирака и особенно Афганистана аппетит пропал надолго. А если кто-то попытается в обход закона что-то мудрить и делать втихаря, то свободная пресса поднимет такой вой, что последующие выборы забьют гвоздь в политический гроб такого активиста. А потом, применительно к России никаких «прибираний к рукам» не требуется: западные страны совершенно свободно покупали там всё, что было нужно. А российские олигархи с радостью продавали всё, что Запад покупал. Таня, Вы знаете, какая страна продаёт больше всего полезных ископаемых на душу населения?

• Саудовская Аравия?

• Нет, они лишь на пятом месте, продавая свою нефть на 5 с половиной тысяч долларов на человека.

• Неужели Россия?

• Да, и не просто на первом месте, а с двукратным отрывом от следущей за ней Норвегии с её 6.5 тысячами. Россия же продает нефть, газ, разные металлы, драгоценные камни и химикаты на сумму в 11 тысяч долларов на душу населения, включая грудных детей и стариков. В эту сумму не входит стоимость древесины, которую Россия продаёт ещё на сумму в 10.5 миллиардов долларов, что даёт ещё почти тысячу долларов на человека (Ха! вот где мне пригодились мои домашние проработки). Я это к тому, что Россия должна была быть самой зажиточной страной в мире, и все россияне должны были в роскоши купаться, а у вас по-прежнему люди живут в избах без электричества, им не хватает денег на лекарства, возраст выхода на пенсию увеличивается, а продолжительность жизни сокращается.

• Вы хотите сказать, что мы такие тупые и бесхозяйственные?

• Напротив, по уровню образования Россия – одна из первых. Учёные, инженеры, врачи – одни из лучших. Я это по Америке знаю: специалисты из бывшего Советского Союза здесь – нарасхват!

• Так в чём же тогда дело?!

• А в том, что все эти огромные богатства либо разворовываются кучкой олигархов, либо оплачивают шикарную жизнь и услуги армий паразитов: охраны, военных, бюрократии, ФСБ и просто преступников.

• Но государство должно на что-то существовать!? Школы, больницы, дороги...

• Таня, вы налоги платите?

• Конечно! И ещё какие!

• Государственные расходы оплачиваются, как и во всех остальных странах, Вашими налогами.

• Так кому и зачем это, по-вашему, нужно?

• Кому? - Тем, кто захватил власть и богатства. Зачем? – чтобы неограниченно ими пользоваться. Потому что если власть сменится, то всех теперешних за их преступления повесят! А лучший способ держать власть –

**Яков
Наерман****ДВА ПОЧТИ
ИДЕАЛЬНЫХ
ПОЧТИ ИНТЕРВЬЮ**

вести войну. Объявлять военное положение и держать население в состоянии страха. Ведь в чём цель этой войны? Сперва Путин говорил о денацификации с захватом Украины, сменой правительства на марионетку, а-ля Лукашенко. Колонны танков двинулись к Киеву, в марте планировался парад на Крещатике. Потом мы узнали, что цель военной операции – не допустить расширения НАТО на восток. Финляндия, в пригородах Питера, спокойно вступила в НАТО. И что? Россия стала нападать на Хельсинки? Даже ноты протеста не было... Защита русских? Окей. Вполне допускаю, что некоторым из них там было не сладко. Я не идеализирую украинцев, и хорошо помню рассказы моей мамы, которая из Винницкой области, о преследованиях и убийствах евреев во время ВОВ. Но это не повод нападать на чужую страну. После захвата Судетов в 1938 году в целях защиты немцев, эта практика была осуждена навсегда! Возьмите пример Израиля, где мы сейчас находимся. Они не нападают на других с целью защиты соплеменников, а принимают всех желающих евреев у себя. Откройте границы и примите с распростертыми объятиями всех соотечественников, которым в Украине плохо!.

- Но это исконно русские земли! Русские там живут десятки и сотни лет.
- Евреи жили в Эфиопии со времен царя Соломона. Но Израиль не стал вооружать их или начинать военные действия, когда возникла угроза их уничтожения. А перевез всех из Африки к себе. Кстати, израильский, американский и австралийский примеры показывают, что приток иммигрантов – лучший стимул экономики и расцвета нации. Тем более, что у России сейчас – демографическая яма, которая, в результате этой войны, станет гораздо глубже.

Таня отвернулась к окну и несколько минут молчала.

- Знаете, Яша, я люблю свою страну и считаю себя патриотом. Уезжать никуда не собираюсь. У нас есть недостатки и мы будем с ними справляться. «Полюбите нас черненькими – беленькими нас всяк полюбит».

- Я это понимаю. Но что конкретно вы любите: людей, природу, культуру или свору бандитов, которые правят Россией по законам тюрьмы, не допускают никакого инакомыслия, обворовывают бездонные богатства страны, суды и Думу превратили в фикцию, где всё решается одним паханом, который разосрал её со всем миром, развязал совершенно ненужную войну, в которой гибнет цвет нации. Или вы ставите между ними знак равенства? Не кажется ли вам, что истинная любовь и патриотизм проявляются в попытках очистить свою страну от скверны?

Мы опять замолчали. Я посмотрел на Таню и вдруг увидел в её глазах страх и тоску. Мне уже скоро надо было уезжать. Подошёл дядя: «Я понимаю, что от такой симпатичной собеседницы трудно оторваться, но нам через 10 минут нужно выезжать в аэропорт. Ты готов?» Я пошёл в комнату за чемоданом. Проверил все документы. Вдруг в дверь постучали. Это была Таня.

- Я не хочу мешать вам прощаться с родными. Счастливого пути! Спасибо за интересную беседу. Живя за океаном, я бы, возможно, тоже смотрела на вещи иначе. Но мне в России жить, работать и растить детей. У меня там всё. Возможно, моё отношение – форма самосохранения. Ведь нормально жить в реальности, которую активно не принимаешь – пытка!

Мы обнялись. Мне вдруг стало её очень жаль: разочарование, которое её, вероятно, ожидает, может быть жестоким. Я немного помню, а больше знаю по рассказам, через что проходили люди старшего поколения после разоблачения культа личности Сталина... Некоторые даже кончали жизнь самоубийством.

Я дал ей свой электронный адрес, сказал, что буду рад увидеть фотографии с её изделиями, и надеюсь, что вскоре она сможет продавать их в Америке, и пошёл прощаться с родными.

**Яков
Наерман****ДВА ПОЧТИ
ИДЕАЛЬНЫХ
ПОЧТИ ИНТЕРВЬЮ****Часть 6. Почти интервью с Мариной**

- Так Вы киевлянка?
- Нет, я из Донецкой области. Наполовину русская. После 2008 года уехала учиться в Киевский медицинский институт. Там познакомилась со своим мужем; он хирург.
 - Детей пока нет?
 - Мы, конечно, хотим детей, но не сейчас. Вместо колыбельных - воздушные сирены? А потом, мы сейчас себе не принадлежим. Иногда ночуем в больнице. Особенно мой муж. Роман - хирург от Бога. Скольких спас! А иногда за ним и его бригадой присылают машину или даже вертолет и увозят ближе к фронту; не всех можно довести живыми, да и транспорта не хватает...
 - А чему вас учили в Израиле?
 - Наша группа из тридцати врачей: радиологи и психиатры. Мы проходили стажировку работы с израильским и американским оборудованием и с новыми методиками преодоления психологических травм. Израиль вообще очень помогает Украине. Через две недели после начала войны они были первыми и практически единственными, кто развернул полевой госпиталь прямо на линии фронта. Много из того, что они делают, не очень афишируется. Мы понимаем, что они не хотят сильно злить Путина. Но от этого их помощь не становится меньше. Говорили мы в Хайфе, в основном по-русски... Быкова, кстати, в Израиле многие знают и слушают...
 - А Вы знаете, что Быков дописывает роман о Зеленском?
 - Хм. Как он может писать о человеке, которого не знает? Тем более из Америки?
 - Роман ещё не опубликован, но Быков много о нём говорил в последнее время. Осенью должен выйти, тогда и поговорим. Как, кстати, относятся к вашему Президенту?
 - Отношение к Владимиру Александровичу неоднозначно. Он был посредственным президентом в мирное время. Нерешительным. Обещал покончить с коррупцией - не смог. Экономика была в запустении. Но во время войны он сумел стать «голосом нации». И в этой роли его талант актёра идеально подходит к ситуации. Думаю, когда война закончится, он уйдёт в отставку. Героем. Я надеюсь, что он не будет цепляться за власть. Но когда и как война закончится – не знаю. Да и закончится ли?
 - А как в Украине представляют окончание войны?
 - Мы понимаем, что Россия никуда не денется. И мы станем европейским Израилем, который будет постоянно жить под угрозой нападения и уничтожения.
 - Многие, в том числе такие, как Арестович, да и тот же Быков, опасаются последствий украинского национализма, что ненависть станет сильнее стремления к справедливости. Как сказал, по-моему, Виктор Гюго: «Идеи побеждённого побеждают победителя»» Ведь даже до 2014 года отношения в Донбассе не всегда были гладкими, верно?
 - Я сама из Донецка. Наполовину русская. Русский - мой родной язык. И пока не начались сепаратистские выступления, мы жили хорошо и дружно. А потом начали бояться, что нас, подобно тому, как с Южной Осетией и Абхазией в 2008 году, захватят и присоединят к России. Были ли хулиганы и преступники? Конечно! И всех их нужно судить и наказывать. Публично. В той же Гааге. Идиотов и мерзавцев хватает и у нас. И да, мы стараемся не говорить на языке тех, кто принес к нам ад и смерть. Но если среди нас оказывается россиянин, который помогает нам, как некоторые врачи в нашей больнице, то к нему испытываем двойное уважение и признательность.

**Яков
Наерман****ДВА ПОЧТИ
ИДЕАЛЬНЫХ
ПОЧТИ ИНТЕРВЬЮ**

- А как быть с Крымом? Ведь там действительно большинство русских, и если провести честный референдум, они действительно предпочтут быть с Россией?

- Гарри Каспаров недавно сказал: «Если на вашу кухню заползли тараканы от соседа - это ещё не означает, что кухня стала принадлежать им. Даже если они провели референдум». Грубо, но верно (Марина оживилась; эта тема была явно обсуждена до изнеможения). Крым - это часть страны, и решать должна вся страна. Иначе начнутся бесконечные разногласия и местные конфликты. Чечня хотела отделиться большинством голосов. В результате было пролито много крови. И ведь никто сейчас не обвиняет Россию в этом... С другой стороны, оба референдума о независимости Квебека, которые прошли в 1980 и 1995 годах, были организованы демократически избранным правительством Канады. И в обоих случаях решение остаться в составе Канады было принято. Та же ситуация произошла с референдумом о независимости Шотландии в 2014 году. Однако в случае референдума по независимости Каталонии, который состоялся в октябре 2017 года без согласия всей Испании, его результаты были признаны незаконными правительством Испании и... всем остальным миром. А если завтра мексиканцы в Калифорнии захотят отделиться, им кто-нибудь позволит? Или если жители северных Курильских островов проголосуют за присоединение к Японии, а эскимосы - к Аляске? Кстати, многие в Украине не хотели иметь крымское население, и если бы Россия предложила хороший вариант тогда, мы могли бы его рассмотреть. Но не сейчас. Сейчас это вопрос принципа! Ну, есть ещё вопросы? А то я хочу попробовать поспать. В поезде из Варшавы во Львов, а потом - в Киев, спать вряд ли доведется.

- Ещё один, последний. На него, кроме живущих сейчас в Украине, ответить мне не сможет никто.

- Ну, валите ваш последний вопрос...

- Очень часто в Америке мне приходится сталкиваться с позицией, на которую, честно говоря, не очень знаю, как реагировать. Эта точка зрения распространена не только среди русскоязычных, но и среди американцев. Звучит она примерно так: «Да, Россия, без сомнений, агрессор. А Путин сумасшедший маньяк, дорвавшийся до абсолютной власти. На людские жизни ему абсолютно наплевать. И, чтобы спасти лицо и себя, он может нажать на кнопку. Но нам-то – не наплевать. И не лучше ли, уступив сейчас часть территории, сохранить миллионы жизней?!»

- Марина немного напряглась и села в кресле вертикально.

- Да, я это тоже слышала. Не раз. И в начале войны мы об этом с мужем говорили. Я врач. Дала клятву Гиппократу: «сохранение жизни и здоровья пациентов – высшая цель». И если моим пациентом случится Путин, я сделаю все, чтобы его вылечить, и ... здоровым отправить на виселицу. Но сейчас – слишком поздно о таком говорить. Потому что помимо жизней живущих, есть ещё жизни, унесенные войной. И как мы посмотрим в глаза тем тысячам матерей, чьи сыновья уже погибли. За что? За «Минск-3»? Который через пару лет опять будет нарушен? У нас, кстати, периодически проводят неофициальный опрос на эту тему: «Умереть стоя или жить на коленях?». Анонимно. Подавляющее большинство за «умереть стоя». И с каждым месяцем войны этот процент растёт. А теперь, извините, мне правда надо поспать.

Она надела наушники, чёрную маску на глаза и вскоре заснула. Проспала до самой Варшавы. Мы попрощались, и она побежала искать остальную группу.

**Яков
Наерман****ДВА ПОЧТИ
ИДЕАЛЬНЫХ
ПОЧТИ ИНТЕРВЬЮ****Часть 7. Надежда умирает последней (вместо заключения)**

Я думал об этих моих «интервью» все последующие дни. Интересно, какой процент жителей Украины думает так, как Марина. И если таких много, то надежда на победу разума над ненавистью есть! С Татьяной мне было менее понятно. Пока через неделю я не получил от неё обещанный линк к галерее её изделий. Они и мне и моим женщинам очень понравились: необычные, талантливые и совсем недорогие. Я написал ей очень лестное послание и выразил уверенность, что, когда времена изменятся и можно будет покупать вещи из России, на её изделия в Америке будет спрос. А пока, «алаверды», послал три фотки с нашими тихоокеанскими закатами.

В ответ я получил короткое сообщение, которое, несмотря на грустный тон, меня порадовало и дало некую пищу для оптимизма: «Неправдоподобно красиво! Я вам завидую. И не только возможностям видеть океанские закаты. Часто вспоминаю наш разговор. Но мне сейчас было бы гораздо легче, если бы его не было. Всего наилучшего.

«ВОЙНА ОСТАЛАСЬ В НАС ЖИТЬ»

Интервью с Верой П.

С Верой П. и её детьми я познакомилась в Америке вскоре после их приезда летом 2022-го, когда моя знакомая американка польского происхождения стала спонсором украинских беженцев – Вериной семьи. Помню, как боролась с чувством неловкости и вины перед ними, потому что отрицать свою принадлежность к стране, напавшей на их страну, я не могла.

На долю этой семьи выпало две войны – первая застала их в Донецке в 2014 году, и они бежали в Харьков, где начали обустройство своей жизни заново. Но мир для них продлился только восемь лет, и в феврале 2022-го вновь пришлось убегать от тех же соседей-захватчиков. Вера с детьми оказались в Польше, откуда и переехали в США.

Это интервью я взяла летом 2023 года, когда война России с Украиной уже шла почти полтора года. Шок первых месяцев прошёл, а ощущение стыда и беспомощности осталось. К тому времени я уже знала Верину историю, мы общались, встречались семьями, и, наконец, я решилась записать свидетельства очевидца чудовищных событий.

Вера Арболь: Вера, вспомни, пожалуйста, какие мысли, чувства возникли у тебя в тот момент, когда ты узнала, что началось полномасштабное вторжение в Украину?

Вера П.: Война, которая началась 24 февраля 2022 года, – уже вторая война для нашей семьи. Первая началась в Донецке в 2014.

Вера Арболь: Расскажи про Донецк.

Вера П.: Я помню, как там начиналось всё, как заезжали российские военные машины с боевиками в Донецк – это всё было на наших глазах. Так начиналась эта война. Бомбить уже начали потом. Сначала заезжали военные машины без идентификации, всё было затёрто, покрашено.

Вера Арболь: Но вы понимали, что это были российские машины?

Вера П.: Да, конечно, новые красивые машины с людьми. Я чётко осознала, что начинается война в Донецке, 9 лет назад. Я тогда была беременна Денисом, а старшему, Максиму, которому сейчас 15, на тот момент было 6 лет. И мы вместе наблюдали в окно, как эти машины заезжали через наш двор. И я начала даже снимать видео. Максим спрашивает: «Мама, что случилось? Что происходит? Откуда эти машины?» Я говорю: «Это военные машины, сынок». Для города Донецка это было абсолютно чуждо. У нас так просто не ездят военные машины. Поэтому, увидев это, мне стало понятно, что они не просто так приехали.

Вера Арболь: Понятно. А теперь расскажи про Харьков.

Вера П.: Харьков практически на границе с Россией, и то, что там стоит российская армия, мы об этом знали. Но если честно, мозг отказывался верить, понимать, даже вникать в это. Каждый занимался своим делом, все ходили на работу. Никаких запасов еды, воды наша семья не делала, потому что не верила, что молния может ударить два раза в одно дерево – не может такого быть. Когда началась война, я проснулась в 4 утра, маленький Деня (сын) спал со мной. Проснулась от знакомых звуков и вообще не могла в это поверить. Я даже спряталась под одеяло, я думала, мне это снится, это было невозможно. Я не понимала, что происходит. В это время уже звонил мой телефон – он был на беззвучном режиме, и просто загорелся экран. Я взяла телефонную трубку – это была моя кума Лена из Салтовки, она кричала: «Вера, у нас прилёты! Нас бомбят!» Это был кошмар. Лена по телефону кричит: «Прячьтесь! Война началась!» А я спросонья пытаюсь соображать, смотрю: в щель под дверью пробивается свет, и я понимаю, что Юра, мой муж, проснулся. Я выхожу

**Вера
Арболь**

РОССИЯ - США

СТРАНИЦА АВТОРА ►

из спальни в коридор, стоит мой муж – белый, просто в предобморочном состоянии. Он смотрит на меня, а я на него. И он говорит: «Сука, он всё-таки начал». Это при том, что мы никогда не материмся, у нас интеллигентная семья. Таким было начало войны для нас. Мы не будили детей, потому что понимали, что нужно сесть и обдумать всё. Мы абсолютно не были подготовлены: документы, тёплые вещи не были собраны.

Вера Арболь: Была ли у вас мысль о бегстве?

Вера П.: Нет, такой мысли у нас не было – это было нереально, потому что у нас не было машины. В окно мы видели, как люди бежали с подушками в машины, они уезжали с детьми подальше от границы.

Вера Арболь: Это происходило 24-го?

Вера П.: Да, это события первых часов. Была паника, люди бежали по машинам. Уже к восьми утра двор был абсолютно пустой. Кто был на машине, все выехали. Это при том, что был дефицит бензина, то есть на сколько было у них бензина, на столько они и доехали.

Вера Арболь: А вы что начали делать?

Вера П.: Я начала стучать в двери соседям, говорить, что началась война. Одна соседка не поверила мне: «Ты что, это салюты, какая война?!» Харьковчане ещё не знали. Мы-то могли идентифицировать точно, из какого оружия стреляют, потому что мы – донецкие. А они не верили. Я звонила соседям из других домов – они так же быстро собирались и выезжали на машинах.

Вера Арболь: То есть вы ещё оставались в городе какое-то время?

Вера П.: Да, мы долгое время оставались. Мы выехали в марте. В первый же день мы спустились в подвал со всеми соседями. Бомбили с неба самолётами, бомбили на земле. Зашли диверсионные группы в Харьков. Перестрелка прямо у нас во дворе была, мы попали под обстрел. Чудом просто каким-то выжили.

Вера Арболь: Как город работал? Магазины, аптеки...

Вера П.: Всё остановилось. Когда война неожиданно происходит, останавливается всё: вся экономика, магазины... Всё, нет жизни. Тут заканчивается твоя жизнь, о которой ты раньше думал, что всё у тебя нормально. Ты ходил на работу, встречался с друзьями, мог пойти в магазин. Ты вообще мог пойти куда-то. Когда началась война, никто уже не мог никуда пойти, потому что могло прилететь – и тебя нет. И зачем тебе этот хлеб нужен, за которым ты пошёл?

Вера Арболь: То есть вы жили в подвале несколько недель?

Вера П.: Да, я не помню точно, кажется, до 12 марта.

Вера Арболь: Вы в квартиру не поднимались?

Вера П.: Поднимались по одному что-то взять и сразу уходили.

Вера Арболь: Я помню, что ещё раньше ты рассказывала, что дети спали на матрасах, и у вас было только то, что натащили в подвал. В основном вы там оставались. И ели из запасов.

Вера П.: Ели из запасов. Возле нашего жилого комплекса был завод, где раньше продавали куриные продукты. Они просто выезжали на машине и раскидывали фарш, курицу в пакетах. И кто что успел поймать, это и была наша еда. Мы делили на всех. В основном я готовила. Наверно, самая страшная была – я могла подняться в свою квартиру и приготовить суп с фрикадельками из этого фарша. Но не всегда, когда получалось. Мы в подвале тоже готовили. Принесли туда несколько мультиварок, электрических плиток, чайников. И пока могли держаться на запасах, держались. У нас было три беременные девочки, беременная кошка, две собаки и попугай.

Вера Арболь: Значит, животных вы с собой держали?

Вера П.: Да. У нас было много детей. В подвале было холодно, дети начали болеть, с температурой. А аптеки не работают. У меня оказался антибио-

**Вера
Арболь**

**«ВОЙНА
ОСТАЛАСЬ
В НАС ЖИТЬ»**

тик, и мы спасли того ребёнка, у которого была очень высокая температура. Скорая бы не приехала. Это такая безвыходная ситуация, когда ты вообще себе не принадлежишь.

Вера Арболь: Газ, электричество, интернет у вас были? Новости какие-то вы узнавали?

Вера П.: Интернет был периодически. Периодически его глушили, так же и мобильную связь. Мы не знали, кто. Например, мы знали, что прилетело куда-то неподалёку, но дозвониться куме или сестре я не могла. И они не могли. Потом связь появлялась. Так и новости мы слушали.

Вера Арболь: Понятно. Потом, после того как вы в подвале перекантовались, вы решили ехать дальше? Вы же выехали оттуда. Как у вас это получилось?

Вера П.: Поскольку наша семья была из Донецка, мы взяли там как бы лидерство, и все соседи были за нами. Когда была возможность, мы поднимались в квартиру – даже чтобы пойти в туалет, потому что в подвале было одно ведро на всех. Да, мы поднимались. А выезжать мы решили, когда попали под обстрел.

Вера Арболь: Как это случилось?

Вера П.: Началась сирена, а мы в этот момент были дома, в квартире, вся семья. Нужно было спуститься с четвёртого этажа и обойти дом, вход в подвал был с другой стороны. И вот так мы бежали и не успели – начался обстрел из автоматов. В Харьков же зашли русские солдаты, и вот начался уличный бой. Мы слышали, как летят пули, когда бежали. Соседи уже открыли дверь в подвал, чтоб мы скорее забежали. Я схватила Деню, собой закрыла. Я его к стене и собой закрывала всё время. И потом они с мужем как-то пробежали, а я двинуться не могу, вот не могу просто. Я чувствую, как они стреляют, каждой клеточкой своего тела ты чувствуешь, что близко, что ты сейчас умрёшь. И я не могла пошевелиться. Меня парализовало. Это не объяснишь. Я дальше смутно помню, шок был серьёзный. Юра выбежал и меня силой запихал в подвал. Я плохо это помню. Потом мы выключили свет, все выключили свои телефоны, мы забаррикадировали двери. Мы боялись, что русские солдаты зайдут, и они могли всё, что угодно сделать.

Вера Арболь: Могли бы расстрелять.

Вера П.: Они мужчин бы, наверно, расстреляли. А нами бы они прикрывались. История ведь знает, что и насилуют, и что угодно творят. Мы этого очень боялись. Мы аккумуляровались в середине подвала, подальше от стен. Мы слышали, как свистели пули по стенам нашего дома. Ситуация была критическая. Дети плачут. Нам приходилось закрывать им рот руками. Надо, чтобы была тишина, чтобы нас не нашли в этом подвале, потому что знали, что все сидят по подвалам. И тогда мы с мужем приняли решение уезжать. Мы написали на бумажках фамилию и имена наших детей, и год рождения, и положили в карманы. Тогда как-то чувствовалась смерть. Если мы умрём, чтобы знали, кто мы и дети. У Максима была чёткая инструкция не бросать брата, где бы ни было, чтобы всё время вместе были, так как он старший. Дене мы вообще сказали, что это учения были. Этот обстрел мы пережили. Потом наступила тишина. И темень. В подвале всегда темно. Ты не ощущаешь время, каждый день одинаковый. И когда наступила тишина, это тоже страшно. Очень было тихо. Я считаю, это была самая страшная ночь. У меня поднялось высокое давление, я страдаю от этого, вообще, и у меня сильно разболелась голова. Я лежала, таблетку, наверно, приняла. И подошёл Максим и говорит: «У Ани кровотечение началось». Аня – это беременная девочка. А мне самой плохо. В конце концов, там в подвале было много людей. Я говорю: «Мне плохо. Делайте сами что-то с Аней. Я ведь учитель, а не врач». Он говорит: «Мам, ну ты же знаешь, что кроме тебя никто это не сделает». Я не помню, где я взяла силы и как я встала. Все звонили со своего телефо-

**Вера
Арболь**

**«ВОЙНА
ОСТАЛАСЬ
В НАС ЖИТЬ»**

на, чтобы вызвать скорую, и не могли дозвониться. Аня на седьмом месяце беременности. Я её уложила, обложила её подушками, коробками, подняли ей ноги повыше – почему-то интуитивно я так решила сделать. Наконец-то дозвонились до скорой. Они сказали, что мы всё правильно сделали, и сказали ждать их. И пока мы ждали, я сидела рядом с Аней и держала её за руку. Мы с ней разговаривали. Я понимала, что ей нельзя паниковать, надо её как-то отвлекать, заговаривать. И когда приехала скорая, наши мужчины вынесли Аню на руках. Её муж уже на передовой был. А это военные условия: нет освещения, абсолютно ничего не видно. Так вот её забрали. Но всё закончилось хорошо. Сейчас Анечка в Чехии, родила мальчика, присылает мне фотографии. В ту ночь я поднялась домой и первый раз расплакалась. Мы ведь не могли расслабиться, надо было держаться, плакать мы не могли, с нами были дети. Надо было держаться, чтобы не было паники. На следующее утро позвонил кум из Салтовки, а у них машина. Говорит: «Мы выезжаем. Если вы готовы, мы за вами заедем». И вот мы в одной машине две семьи, друг на друге, с одним чемоданом. Мы выехали первые.

Вера Арболь: У вас были документы, деньги?

Вера П.: Денег много как бы не было, всё ж на карточках в основном. Какие-то наличные были, наверно. А документы мы держали в одном месте и знали, что нужно взять с собой.

Вера Арболь: Наверно, минимум одежды?

Вера П.: Абсолютный минимум.

Вера Арболь: Вы знали, куда ехали? Или просто ехали куда подальше?

Вера П.: Куда подальше было невозможно. Стояли огромные пробки, люди ночевали на улице с детьми. Было тяжело. Мы поехали в Днепр сначала. В Днепре была моя коллега ещё из Донецка. У неё была другая коллега, у которой была однокомнатная квартира. И та сказала, что заберёт нас к себе. Она уходила на дежурство в школу, и квартира стояла пустая.

Вера Арболь: Что происходило в Днепре?

Вера П.: Мы приехали туда грязные, из подвала, вот как вышли, так и приехали. Мы стояли и плакали долго на улице, молча. Она плакала, я плакала. На тот момент в Днепр ещё ничего не прилетело, у них только сирены были. А учителя уже дежурили в школах, потому что много людей начали приезжать из обстреливаемых городов, и их принимали в школы. Селили, где угодно. Нас вот поселили в квартиру. И уже была чистая постель. И, вообще, была постель. А я не спала. Просто не спала, и всё, не могла спать. После того, как мы выехали, начал выезжать весь подвал.

Вера Арболь: Ты поддерживаешь связь с «братьями по подвалу» сейчас?

Вера П.: Поддерживаю. Кто-то уже вернулся в Харьков. Кто-то за границей: в Германии, Чехии...

Вера Арболь: Из Днепра вы поехали дальше на запад со своими кумовьями?

Вера П.: Да. Поехали в Ужгород. Дорога была тяжёлая: так же бомбили, так же летели ракеты, машину трясло, и детей мы собой в машине закрывали, хоть и понимали, что это бы не помогло. Мы видели, как летят ракеты – как самолёты, только без крыльев, и они были ближе. На блокпосте даже было такое, что у нас документы не проверяли. Он кричит нам: «Давайте быстрее! Проезжайте, проезжайте!» Оказалось, высадили российский десант с вертолётчиков, и нас поэтому торопили. А когда начинался комендантский час ночью, нужно было искать место для ночлега. И вся Украина организовалась, молодцы. Однажды мы встретили полицейского, который сопровождал нас в школу – там был огромный спортивный зал, где лежали маты на полу: хочешь – спи, хочешь – не спи. И вот это была самая лучшая ночь, когда, уже обессиленные, мы в одежде легли на пол и все заснули. Там было очень много людей.

**Вера
Арболь**

**«ВОЙНА
ОСТАЛАСЬ
В НАС ЖИТЬ»**

Вера Арболь: У вас был план, куда ехать?

Вера П.: Нет, плана никакого не было. Мы знали, что в Ужгороде есть организация «Совиное гнездо», они встречают беженцев и помогают, и мы стремились туда. Получилось так, что мы ехали несколькими машинами. Муж был в машине кума. Их машина сломалась в пути и не доехала до Ужгорода. Я с детьми ехала в другой машине. Когда мы приехали в Ужгород, Максим им сказал: «Мы очень устали, не мылись несколько дней, мы голодные, пожалуйста, поселите нас куда-нибудь». Они на нас посмотрели – меня и детей – и отправили в монастырь. Там был душ – и мы были счастливы. Так что какое-то время мы там жили. Я начала помогать им готовить еду. Мы молились вместе с ними.

Вера Арболь: Там были другие беженцы?

Вера П.: Да, но немного. Считалось, что попасть туда было чем-то особенным. Туда отправляли людей с маленькими детьми, стариков. Но и там нам стали говорить: «Вы здесь ненадолго, думайте, куда вы поедете дальше». А я абсолютно не знала, куда ехать. Потом приехал муж в Ужгород, но их поселили в каком-то садике в селе возле города. Сначала батюшка не разрешал мужу приехать к нам жить, но потом всё-таки разрешил, и мы воссоединились.

Вера Арболь: Как вы уехали из Ужгорода?

Вера П.: Мы видели Словакию из окон этого монастыря, то есть мы были прямо на границе. Но там рядом, по-моему, была военная база – опасное место, словом. Через несколько дней была сирена. Батюшка заставил всех людей пойти в подвал. Мы пошли, но после этого мы решили, что нужно ехать за границу.

Вера Арболь: Дальше вы так же поехали на машинах?

Вера П.: Нет, кум довёз меня и свою жену Лену с нашими детьми до определённого места, а потом мы пошли пешком. Много женщин с детьми, целая вереница шла.

Вера Арболь: То есть мужей не пускали?

Вера П.: Нет. Хотя у мужа была бронь, и мы надеялись, что его пропустят. Но его не пустили, и я колебалась, ехать ли дальше. Но всё-таки мы приняли решение спасать детей.

Вера Арболь: И вы пешком пошли в Словакию?

Вера П.: Да, там было недалеко, шли где-то полчаса. Там уже стояли волонтеры, давали нам воду, какую-то еду. Уже были автобусы готовы. Вообще, в Европе они были молодцы – от души нам помогали. Нас привезли в центр беженцев, а оттуда мы поехали в Польшу ночным поездом – по вота-сапу моя свекровь прислала сообщение, что там живёт её знакомая и зовёт нас приехать. На тот момент Европа приняла закон, что все украинские беженцы имеют право бесплатного проезда. Но, поскольку мест было мало, мы с кумой Леной, сидели на полу, детей куда-то пристроили сесть, а сами на полу.

Вера Арболь: И вот в Польше вы рассосались кто куда, по разным странам. Расскажи про это, как вы узнали, что можно иммигрировать в Америку?

Вера П.: Ну, это же не совсем иммиграция, это специальная программа с гуманитарным паролем для украинских беженцев, которая даёт право въехать в Америку. Она называется United for Ukraine (UFU). Эта женщина, которая оформляла наше спонсорство, была знакомой знакомых кумы Лены, и так Лена узнала, что в Америке есть женщина, готовая спонсировать беженцев. И сначала она думала лететь туда, разговор шёл о её семье. Так как по-английски она не говорила, то все мейлы за неё писала я. И мы спрашивали, может ли спонсор взять две семьи. Но та отвечала, что это большая ответственность, что и понятно.

**Вера
Арболь**

**«ВОЙНА
ОСТАЛАСЬ
В НАС ЖИТЬ»**

Но потом Лена передумала, она приняла решение ехать в Австрию, а я – в Америку.

Вера Арболь: У тебя были ещё какие-то варианты?

Вера П.: Германия, например, Чехия. Да любая страна – все принимали.

Вера Арболь: Как ты выбрала страну?

Вера П.: Я выбрала Америку только потому, что я говорю на английском. В Украине я была учителем английского языка, и мне было бы легче начинать новую жизнь в англоязычной стране. Ещё была надежда на баскетбол. Оттуда казалось, что Америка – это страна, где все играют в баскетбол. (Старший сын Веры Максим играл за сборную Харькова.)

Вера Арболь: Как долго вы пробыли в Польше?

Вера П.: Три месяца. Дело в том, что программа UFU запустилась только в апреле, и только тогда мы нашли спонсора. Спонсор покупала нам билеты на самолёт. Нам нужно было въехать до 1 июня, для украинцев была очень большая скидка, за троих заплатили только тысячу долларов, вместо трёх тысяч, грубо говоря.

Вера Арболь: Сейчас вы уже год с небольшим живёте в Америке, а в Украине остались родственники, правильно?

Вера П.: Да, это сейчас самая большая боль. Там моя мама и мама мужа.

Вера Арболь: Они до сих пор живут в Донецке?

Вера П.: Нет, они выехали недавно. Мама сейчас в Киеве у сестры. Ужасная была дорога, страшная, небезопасная. Если раньше дорога из Донецка в Харьков занимала несколько часов, то сейчас пожилые люди ехали четверо суток. Самое страшное – это проехать российский пункт, «руссню поганую», как мы её называем. Был единственный автобус, но они его держали одиннадцать часов. И только потом начали по одному, по два вызывать, опрашивать. Из Донецка они проезжали через четыре страны: Россия, Литва, Латвия, Польша, и потом заехали в Украину.

Вера Арболь: Изменилось ли твоё отношение к происходящему за время этой войны? Может, ты открыла для себя что-то новое, например, в плане человеческих отношений?

Вера П.: В любой ситуации нужно оставаться человеком. Во время войны вся культура человеческого поведения исчезает, остаются животные инстинкты: выжить, найти что-то поесть, сходить в туалет. Но это, на самом деле, страшно, это не норма жизни, нас заставили это всё делать – следовать своим инстинктам в первую очередь. Но всё равно нужно было оставаться человеком: я уволилась из харьковской гимназии, стала волонтером, я осталась со своими детьми (онлайн) – на момент начала войны я была классным руководителем одиннадцатого класса, у нас должен был быть выпускной. Мы с детьми мечтали о выпускном, у нас были тесные отношения, у нас был план полететь в Египет на выпускной. Сейчас мы уже шутим с ними по поводу Египта. Я им сказала: «Ребята, вы должны выучиться в высших учебных заведениях, и я вас жду в Доминикане». Они говорят: «Вера Александровна, хорошая мотивация». Они согласны.

Ещё хочу сказать о проблемах со здоровьем, о глубочайшей депрессии. Это очень тяжело, когда ты мама, тебе нужно что-то делать, и тебе нужно за детьми смотреть, их контролировать. В Америке я оказалась совершенно одна – совета не у кого спросить, везде чужие люди. Сильная депрессия была. Ты чувствуешь себя неуверенно, неполноценно, ты не знаешь, что ждать завтра.

Вера Арболь: Сейчас вы помогаете украинцам в Украине?

Вера П.: Да. Ко мне обратился друг, он военный, им нужны были тепловизоры, приборы ночного видения, чтобы себя оберегать, видеть врага.

**Вера
Арболь**

**«ВОЙНА
ОСТАЛАСЬ
В НАС ЖИТЬ»**

Так что мы решили организовать сбор средств. Наша семья, как свидетели, выступала с презентацией о войне в Украине. Перед этим наварили борща, налепили вареников, и таким образом мы насобирали ребятам на всё и отправили им это на передовую. Как можем, так и помогаем.

Вера Арболь: Как ты относишься к делению русских на «хороших» и «плохих»? И, вообще, есть такое разделение у вас в разговорах с друзьями?

Вера П.: Конечно, и это было сразу. Я помню утро 24-го февраля – я была готова взять автомат в руки и убивать каждого, кто зашёл бы на мою землю, в мою квартиру, защищать своих детей. Не мы пошли в другую страну, к нам пришли. И первых, кого убивали, – это восток Украины, это все русскоязычные люди. Я говорю и пишу на русском, русский – мой родной язык, я воспитывалась на русском языке. Вот такой парадокс: «защищая» нас, нас убивали первыми.

Честно, сначала была ненависть ко всем, просто из-за того, что кто-то – русский. И опять же, я говорю свою точку зрения – в нашей жизни это второй раз. Мы в Харькове начали с нуля. Мы приехали туда такими же беженцами. Понимая, что сейчас придётся начинать во второй раз, а нам уже по сорок лет, это очень тяжело. И, вообще, живыми бы остаться. Поэтому чувство ненависти было сильное. У меня есть троюродная сестра в Москве – сейчас мы не общаемся с ней вообще и не будем никогда.

Вера Арболь: Вы говорили с ней на тему войну?

Вера П.: Я лично не говорила, но говорила старшая сестра. Та говорит: «Мы вас скоро освободим». Кого освобождать?! От кого? Кто в меня стреляет? В меня стреляет русский солдат. Все ж обвиняют кого угодно: Америку, Европу. Подождите: в меня стреляет русский солдат!

Даже сейчас, когда мы в Америке, у нас много друзей здесь, все нас очень поддерживают, дай бог им всем здоровья. И есть русские, которые приехали в Америку много лет назад. Например, есть две подруги – одна украинка, другая – русская, у обеих семьи здесь. И сначала приехала познакомиться со мной украинка, и потом она дала зелёный свет Наташе, которая из России. Мы начали общаться, она помогает мне научиться водить машину.

О русских, которые поддерживают Украину, хочется отдельно сказать и прямо подчеркнуть, насколько это сильные люди. Наташа знала нашу историю, она видела, как дети боятся громких звуков – мы уехали от войны, но война осталась в нас жить, Наташа так плакала. У меня одежда была пропитана её слезами. Она так плакала: «Простите нас!» Она сказала: «Я так боялась с тобой встречаться, и я так хотела с тобой встретиться. Я думала, что, когда ты меня увидишь, ты плюнешь мне в лицо, и ты сделаешь правильно». Я ей ответила: «Ну, ты что, Наташа, мы же культурные люди. Надо людьми оставаться». И я хочу подчеркнуть эту силу и смелость: они могут говорить, что чувствуют. И они искренне сожалеют и признают.

Вера Арболь: Мне кажется, такие русские испытывают чувство вины. Я лично. И позор, который мы за свою жизнь не искупим.

Вера П.: Мы поэтому и детей увезли подальше, потому что у нас два сына. Потому что если возвращаться в Украину, придётся идти в армию и служить. И он (старший сын) возьмёт автомат и пойдёт стрелять в людей – за мамины слёзы, за все подвалы, за украденное и у одного, и у второго ребёнка детство. Две войны. Возьми нас – мы родились в СССР, у нас были свои проблемы: работы не было, еды не хватало, разное было. Но то, что пережили мои дети, – это не описать. И какими нам с мужем нужно было быть сильными, чтобы сегодня мои дети улыбались. И они улыбаются, они прошли через две войны, и они первые, кто поможет, потому что мы всегда друг другу помогаем, помогаем другим людям. Денис получил грамоту в школе: самый добрый ребёнок. Когда Максим играл первый баскетбольный матч, в команде противника упал другой мальчик, и Максим был первым, кто подошёл и подал

**Вера
Арболь**

**«ВОЙНА
ОСТАЛАСЬ
В НАС ЖИТЬ»**

руку. Вот это моя победа личная, это наша с мужем победа. И детям одиннадцатого класса я объясняла, когда их нужно было мотивировать учиться и заканчивать школу: «У нас у каждого свой фронт. Вы должны выучиться и поступить в вуз, и это будет наша победа». Слава богу, так всё и получилось. И в нашей семье тоже свой фронт: несмотря на то, что у наших детей украли детство, и они получили тяжелейшую психическую травму, мы должны сделать так, чтобы они улыбались.

Вера Арболь: Своё будущее ты видишь здесь? Вы остаётесь в Америке?

Вера П.: Да. Мы бы хотели остаться. Очень хочется вернуться – к своим людям, лечь в свою кровать, попить утром кофе из своей чашки, посидеть на любимой лавочке в парке. Эти мелочи и составляют нашу жизнь. Но понимаю, что и люди уже не те, изменились, и всё изменилось. Украина уже не та, она другая. Это будет новая реальность, к которой нужно будет привыкать. А у моего Максима уже девятая школа. Мы, как родители, просто не имеем права уехать. Где-то уже нужно остановиться. И соседа мы в Украине не поменяем. Как бы сейчас ситуация не завершилась, никто не даст гарантии, что через какое-то время опять всё не начнётся.

Вера Арболь: Изменилось ли твоё отношение к русскому языку?

Вера П.: Так как я сама филолог, я считаю, сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек. Сейчас я считаю, государственный язык однозначно – украинский. И вильно размовляю украинскою мовою.

Вера Арболь: Я знаю, что сейчас в Украине идёт много споров об отношении к российской культуре. Какое твоё к ней отношение? Я имею в виду книги, фильмы, музыку.

Вера П.: Как учитель, житель, гражданин Украины, я это не совсем понимаю, когда памятники убирают. Из школьной программы полностью убрали всю русскую литературу и язык. Да, у нас есть свои авторы, свой язык. Но я люблю читать книги в оригинале, и если Пушкин писал на русском языке, мне приятно читать на русском. И если Шевченко писал на украинской мове, то це е найгарниши вирши. And if Shakespeare wrote in English, it is wonderful to read English.

Вера Арболь: На сегодняшний день ты чувствуешь, что всё идёт на улучшение в твоей жизни?

Вера П.: Да, но семья там, семья под обстрелами, они бегут ночью в подвал, и с этим нужно что-то делать. Мы ещё не имеем возможности забрать их сюда, мы сами здесь ещё никто, мы без документов. И от этого тоже душа очень болит. Каждый день что-то новое. Сказать, что мы уселись и расслабились, – нет, далеко нет. Всё только начинается.

**Вера
Арболь**

**«ВОЙНА
ОСТАЛАСЬ
В НАС ЖИТЬ»**

P.S.

Познакомилась с удивительной парой сегодня. Девушка – армянка, Араксия, а ее избранник – русский, Александр. Приехали погостить из России в Калифорнию к родственникам, заодно решили отдохнуть на Гавайях. Запала мне в душу их искренность: Александр рассказывал, что он наполовину русский, наполовину украинец. Назвал фамилию матери – Степаненко. Сказал, что убил бы ту гниду, которая вершит судьбой народа, с его приходом к власти какое-то проклятие повисло над народом. Говорил, и слезы скатывались по щеке. Я хотела расплакаться тоже. Но все время утешала себя, мой внутренний голос твердил: «Соберись, тряпка, не плачь». И я как-то сдержалась и не заплакала. Раньше никогда не могла сдерживать слезы, теперь иногда получается. Что нас не убивает, то делает сильнее. Александр с печалью в глазах говорил, что ему стыдно, что он русский, что не понимает, как братья могут воевать друг с другом. Он не был в Крыму с 2014 года и отказывается посещать это место, пока оно находится в российской оккупации. Александр поднял проблему демографического кризиса в России, которая ещё больше усугубилась в связи с войной. Мне было очень больно это слушать. Ведь я родилась в России, 11 лет жила в России, говорю на русском, и будто от меня тоже что-то оторвали. А в голове все крутится один вопрос: когда же сменится правительство?

Мистер Баралгин – так мы любили называть его в литературном клубе, устраиваемом нашей преподавательницей по зарубежной литературе. Тигран помогал всем, всегда носил с собой таблетки от головы, был лучиком в темном царстве. Как-то узнала от рассказа Лилит Суреновны, что Тигран удивленно рассказывал о друге, которому никогда не говорили, что он талантлив, что он на что-то способен. Он утверждал, что это же необходимо услышать каждому...

Где сейчас Тигран? В земле, на небе, в мыслях, не знаю, но хотела бы знать... Тигран погиб в 2020 году, защищая родину во второй Карабахской войне. Ему было 25 или 26. Он прослужил два года в армии, а когда началась война, решил вернуться добровольно и помочь... Тигран помог нам, а мы ему нет.

Лилит Суреновна рассказывала, что родители Тиграна приходили и сидели молча в аудитории, а потом как-то сказали, что Тигран любил здесь проводить время. Во дворе, где жил Тигран, установили памятник в его честь.

Арцах потеряли в сентябре 2023 года, а официально – в январе 2024. 120 000 человек оставили родину, свои дома, свою жизнь и уехали. Куда? Кто куда смог.

Пишу и думаю, за что это все, как возможно пережить эту боль. Невозможно. Тревога, боль, депрессии одна за другой убивают изнутри. Маска с улыбкой на работе, дома, а самоедство внутри.

В 2022 году война с Украиной началась 24 февраля в 5 утра по киевскому времени. Скоро будет два года. В Израиле началась война с октября 2023 года. Господи, сколько рабам твоим нужно вынести потерь, чтобы образумиться...

**Анна
Манукян****США****СТРАНИЦА АВТОРА ►**

Брат идет на брата. Друзья обижаются на эти мои слова, говоря, что мы не братья. Хочется привести все доводы: вот, например, оба языка входят в восточнославянскую ветвь наряду с белорусским. Тем не менее, доводы я не привожу, сейчас это ни к чему. Может, и не настоящие братья, трудно сказать. Настоящий брат не пошел бы на брата, по крайней мере, хочется так думать.

Моя близкая подруга Настя, врач, уехала из страны после начала войны, не смогла там жить. Мы были не разлей вода, когда учились в начальной школе в Ногинске. Дружили домами, ночевали друг у друга, было весело. Потом мы с семьей переехали. Новая жизнь, школа, все новое. Любой переезд – это травма. Я переезжала не раз, так сложилось. Наверное, у армян судьба такая: скитаться с места на место в поисках просвета. Вот и Настя не выдержала, переехала в Германию, учит немецкий, хочет продолжать работать по профессии. Новый язык, новый стиль жизни, все новое. И сколько таких людей вынуждено переехало...

Сколько сломанных судеб, потерянных людей, не знающих, как дальше жить и что вообще делать со своей жизнью.

Зачем все это было нужно? Не нахожу ответа. А, может, ответа и вовсе нет.

**Анна
Манукян****Яков
Наерман**

США

СТРАНИЦА АВТОРА ►

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Передавая нашим внукам проблематичный белый свет,
Мы молим Бога оградить их от нами сотворенных бед:
От клеветы, потери крова, от ненависти, войн, резни.
В молитве нашей лишь два слова: **Благослови и Сохрани!**

№3

24.02.2024

ИГЛА

**Спасибо за интерес к нашим
произведениям!**

**Ждём вас на сайте
творческого содружества**

«Игла»

**Надеемся на новые встречи
и активное участие
в обсуждениях!**